

У. Л А У Д А Е В

**ЧЕЧЕНСКОЕ
ПЛЕМЯ**

I. Территория, занимаемая чеченским племенем

Местность, заключающаяся между Осетией и Кумыкскою плоскостью, населена многочисленным племенем кавказских горцев, говорящих одним языком, называющимся чеченским. В состав этого племени входят общества бывших округов: Ауховского, Ичкеринского, Аргунского, Чеченского и Назрановского. Говоря общим языком, общества эти как русскими, так и туземцами не все называются чеченскими. Собственно чеченцы суть жители округа, носившего это имя, и чистый чеченский язык есть тот, на котором они объясняются. Прочие же общества значительно уклоняются от этого языка, имея каждый свой особенный жаргон.

К северу река Терек служит границей этого племени и русских станиц; южной границей служит хребет Кавказских гор. Смотри с плоскости на горы, видишь, что они тремя уступами проходят от востока на запад. Южный склон этих гор крутой и отвесный, северный же — продолговатый и пологий. Высочайший, или первый, уступ составляют снеговые горы, называющиеся по-чеченски «баш-лам», т. е. «тающие горы». Слово «беше» значит «таять», а «лам» — гора. Вершины этого уступа покрыты вечным снегом. Подножие его лишь в конце мая покрывается травой.

Второй уступ называется по-чеченски «лам», т. е. «гора»; горы, составляющие этот уступ, от основания до половины высоты покрыты лесом, а вершины их обнажены и часто бывают скалистой формации, почему для различия высот этих гор их по-русски можно назвать лысыми горами, так как русские всякую возвышенность называют горою. Вероятно, горный холод препятствует растительности леса на этих вершинах, и он растет до известного предела атмосферической высоты. Вершины эти покрываются питательной травой, почему жители для предохранения стад от солнечного зноя пригоняют их на эти места. Третий уступ называется по-чеченски «арс», т. е. «гора, покрытая лесом»; русские зовут их черными горами. Они покрыты густым лесом, состоящим из всех пород европейских деревьев, кроме березы и вечнозеленых смолистых пород, сосны, ели и др., встречающихся изредка только на лысых горах. Горным хребтам чеченцы дают названия, смотря по их высоте. Надсунженский хребет невысоких гор называют «раг» — от слова «раго», означающего «сарай», т. е. этим названием они объясняют, что те горы гораздо ниже черных гор; возвышенный уступ предгорий Терека называют «шү», т. е. «береговая возвышенность». За черными горами следует равнина, или плоскость, Чечни, с богатой растительностью, которая почти без пота человека, при малом усилии работающего, сторицей вознаграждает его труды; земля эта чрезвычайно удобна для садоводства**.

Множество рек и речек истекает из горного хребта, направляясь с юга на север. Некоторые из них, вытекая из вечнотающих снегов первого уступа, с шумом низвергаются на покатый север, вырывая для себя в земле глубокие ложбины, и, силою разрывая цепи лысых и черных гор, образуют страшные и тесные ущелья, а вырвавшись на раздольную плоскость, своевольно катят по ней свои струи. Другие, вытекая из лысых и черных гор, извиваются по плоскости и впадают в р. Сунжу, образуя с ней общий бассейн. Сунжа впадает в Терек, служащий границей Чечни.

Границы этого племени остались ныне почти те же, коими оно владело до покорения Чечни русскими, с небольшими изменениями; например, от нее отошла земля для двух Сунженских казачьих полков; Карабулакское общество ушло в Турцию, и земля его еще никем не заселена. Назрановское общество, бывшее разбросанным по хуторам и малым аулам, для прекращения разбоев собрано вместе и расположено большими аулами вокруг назрановского укрепления и проч.

II. Названия обществ чеченского племени и их значения

Главенство над обществами чеченского племени всегда имели жители бывшего Чеченского округа, как численностью и степенью развития общественной жизни, так и в минувшие времена храбростью и отвагою.

Чеченцы сами себя называют нахчой, кумыки зовут их мичикиш, тавлинцы — буртель, кабардинцы — шашан, а русские — чеченцами. Почему же один и тот же народ соседями называется различными именами? Племя это, как увидим ниже, образовалось под снеговыми горами близ истоков р. Аргун, откуда уже, нуждаясь в земле, стало расходиться по другим местам. Оно заняло горы бывшего Назрановского округа и Чаберлой, впоследствии водворилось в Ичкерии и Аухе, наконец, после ухода русских с плоскости Чечни за Терек занимает плоскость и тем заканчивает свое расселение. Как вообще все первобытные народы, чеченцы на плоскости занимались преимущественно скотоводством, как необходимым средством для своего существования. Скот их множился на привольной и девственной земле; они в изобилии получали молоко, сыр и масло. В первобытность же свою, не быв ознакомлены еще с хлебопашеством, за неимением хлеба употребляли в пищу большое количество сыра; почему, хвалясь своим изобилием пред своими соотечественниками, обитавшими в скудных приаргунских горах и многонаселенной Ичкерии, называли себя сырными, по-чеченски «нахчой». Сыр по-чеченски называется «нахчи»; слово это во множественном числе — «нахчий», а отсюда происходит народное название «нахчой», то есть «люди, изобилующие сыром».

Быть может и то, что название это плоскостным чеченцам приписали в насмешку, называя их сыроедами, как ныне надтеречных чеченцев в насмешку называют «калдаш юц нах», т. е. людьми, едящими творог. Что название «нахчой» чеченцы получили от сыра, это подтверждается и тем, что назрановцы, говорящие не чисто чеченским языком, сыр называют «нахчи», а чеченцев — «нахчой», т. е. и они дают им название от сыра. Кумыки называют чеченцев мичикиш, от слов «мичик» и «гиши». Мичик — река в Большой Чечне, по соседству с кумыками; река эта некогда составляла границу этих двух народов, а гиши значит по-кумыкски «человек», что вместе составляет мичигиши или мичикиш, то есть живущий на Мичике, мичикинец. Кабардинцы дали чеченцам название от аула Чечен, находящегося на берегу Аргуна, у подошвы Ханкальской горы; аул этот был первым из основанных чеченцами на плоскости. Именем этого аула кабардинцы называли чеченцев, выговаривая это слово своим национальным выговором «шашан». Русские заимствовали для чеченцев название от кабардинцев, изменив неблагозвучный выговор шашан в чечен. Из этого различия названий, данных соседями чеченцам, видно, что они были первоначально народом незначительным и слабым, потому что сильный народ всеми соседями именуется общим названием.

Собственно Нахчой называется общество бывшего Чеченского округа; прочие же общества, лишь поверхностно называясь этим именем, имеют каждое для себя особые названия. Ауховцы называются Аккий; название это они получили оттого, что, живя прежде в Аргунском округе, составляли членов Аккинской фамилии. Скудная почва земли, принадлежащая этому обществу, заставила половину этой фамилии переселиться в Аух, где кумыками и русскими переселенцами назвались ауховцами; сами же они для себя, как и от чеченцев, удержали название первобытной фамилии Аккий, т.е. выходцев из Акки. Ичкеринцы называются «нахчой-моххой»; название это наследственно перешло к ним от плоскостных чеченцев, вышедших из Ичкерии и уже получивших название «нахчой», и означает «земля чеченцев, или сырных». Водворившись на плоскости, они не считали ее своею собственностью, потому что она принадлежала русским. Чтобы вовсе не остаться без земли, выходцы удерживали за собою свои поземельные участки; а так как чеченцы на плоскости уже назвались нахчой, то они Ичkerию в отношении к себе называли Нахчой-мох, т.е. «страною сырных», или страню, где плоскостные чеченцы имеют свои поземельные участки. «Ичкерия» есть слово кумыкское; «ичи-ери» значит земля внутри, т.е. среди гор, — и действительно, она находится посреди лысых и черных гор. Жители бывшего Аргунского округа называются шотой — от слова «шу», означающего «высота», то есть живущие на высоких местах. Шатоевцами преимущественно называются обитатели северного склона лысых гор до самой плоскости, и название это они получили от плоскостных чеченцев. Первобытные обитатели этой страны жили более на юге гор и подножий снегового уступа и называются по-чеченски ламорой, т.е. горными, от слова «лам», означающего «гора». Ламоройцы занимали южную часть бывшего Аргунского округа, Чаберлой и юг Ичкерии. Назрановцы, составлявшие много больших фамилий, назывались прежде фамильными именами: галгай, галой, ингуш (ангушт) и т. д. Когда в конце прошлого столетия они основали аул Несер (Назрань), то стали принимать название несерхой, то есть назрановцев; когда же русские основали укрепление Назрановское, то имя несерхой делается для них

официальным. Кроме этих общих названий чеченцы имеют между собой много подразделений, принимая для себя названия от местности, реки, горы и проч.

III. О народах, обитавших на плоскости Чечни до водворения на ней чеченцев

Чеченцы жили прежде в горах и только в начале прошлого столетия появились на плоскости. В преданиях чеченцев говорится, что на плоскости Чечни господствовали одновременно ногайцы, русские и калмыки. Предания эти темны, сбивчивы и часто противоречивы, так что нужно много проницательности, чтобы постичь их истинный смысл.

Надо полагать, что с основанием Золотой Орды татары завладели плоскостью Чечни или, быть может, просто водворились на ней, найдя ее никем не обитаемую. Сохранилось предание в играх (песня, импровизация) ногайцев, что Шамхал в давние времена владел востоком, а кабардинцы — западом Кавказа. Занимаясь всегда разбоем и грабежом, кабардинцы, собравшись большою массою, пустились за добычей во владения Шамхала. Они шли через плоскость Чечни и кумыков и нашли ее тогда никем не обитаемую. Из этого предания ясно, что чеченцы заняли плоскость лишь впоследствии. Опять же ногайцы поют, что хан Мамай (разбитый Дмитрием на Куликовом поле) брал от кабардинцев ясак, или подать, следовательно, татары завладели всею плоскостью Кавказа, а с нею и Чечнею. Занимавшись всегда скотоводством, татары не могли оставить по себе следов своего пребывания в этой стране. Орда ослабела и рушилась, разделясь от несогласия ханов на несколько частей; русские, сбросив с себя их иго, начали на развалинах Орды строить города и крепости. Вольница русская стала искать просторнейший разгул своему предприимчивому духу. Она сухим путем и водою испытывала свою удаль; плавала по Атеню (Идиль, Волга) в Хвалынское море, перешушывалась с кизилбашами (кизилбаш, или персиянин), бывала в Шемахе и других басурманских городах; не останавливаясь на этом, она была и в Хиве. Нет сомнения, что русские, по своему завоевательному духу, зашли и в Чечню, вытеснили из нее ослабевших татар и поселились в ней *житьем*. И теперь еще совершенно свежи чеченские предания, в которых говорится, что в то время русский сделался отцом страны (орсай мехки да хилле) и что телега русских взошла на горы (оргайн гудалак ламте яллер). Слова «мехки да хилле», то есть «сделался отцом страны», означают, что сделался отцом всей чеченской земли, Ичкерии и приаргунских мест, а «ламте яллер», то есть «взошла на гору», означают, что взошла на лысые горы. Из этого видно, что русские были тогда не временными посетителями Чечни, готовыми оставить ее при первом случившемся неудобстве, но жили оседло, ибо телега в горах есть принадлежность оседлой жизни. В Большой и Малой Чечне, при выходе рек и речек из ущелий черных гор на плоскость, на самых горах и других местах видны и теперь окопы некогда бывших укреплений, несомненно русских. Названия реки и аула Урус-Мартана (Орсай Мартан, то есть россиянин Мартын) и др. подтверждают этот факт. Некоторые окопы например на кургане Гойтен-корта в Большой Чечне, на берегу Аргуна, так еще пощажены временем, что стоит только занять их, и они будут служить укреплением. Русские стали оставлять свое отечество и уходить на юг со времен царя Бориса Годунова, закрепившего крестьян. Не желавшие быть крепостными бежали толпами на юг России, к казакам, и, вероятно, в те же времена водворились и в Чечне. Смутное время самозванцев и стрелецкие возмущения привели новых переселенцев на Кавказ и в Чечню. С этих пор русские ближе знакомятся с Кавказом. Петр Великий, лично предводительствуя войсками в войне против Персии, шел через земли горских племен, которые изъявляли ему свою покорность. Память о Педар-Падшахе и теперь еще не изгладилась на Восточном Кавказе. После азовского поражения влияние Турции над Кавказом начинает ослабевать, тогда как русские стали усиливаться на нем. Они начинают тогда водворяться положительно на нынешней Ставропольской губернии. Окруженным со всех сторон хищными племенами, не верными в данном слове и жаждавшими всегда добычи, русским, находившимся в Чечне, необходимо было много бодрствования, чтобы охранить себя и свое имущество от нападений этих необузданных племен. Быть может, эти неудобства и воспоминание о далекой родине заставили их оставить Чечню и присоединиться к своим соотечественникам, уже во множестве водворившимся на Тереке. Они уходят из нее. Удалившись за Терек, русские, однако, не оставили своего притязания на оставленную землю. Считая ее своею

собственностью, они позволяли чеченцам занимать плоскость на условиях, тщательно следя из-за Терека за их выполнением. Условия эти заключались в том, чтобы ими можно было оградить хищнические нападения чеченцев за Терек. Известным своей преданностью лицам они позволяли пользоваться землею, возлагая на них ответственность за своих людей. Главные условия были: 1) покорность русскому царю***, 2) в случае пленения русского или учиненного воровства должны были возвратить пленного или украденное, 3) обязаны были выставять людей для походов с русскими и для постов, 4) ответственность за хищничество падала на те аулы, через которые шли следы, и т. д. Для точного исполнения условий, по причине частых вероломных случаев, от влиятельных людей брали заложников (аманатов).

Когда русские уже окончательно оставили Чечню, то чеченцы без позволения, самовольно селились на жительство в ущельях чёрных гор, в лесах и других скрытых местах; русские старались препятствовать их своеволию, жгли хутора, разоряли и грабили жителей, уводили их в плен, и отсюда-то начинается вековая борьба чеченского племени с русскими, принявшая с началом нынешнего столетия большие размеры.

Русские оставляли Чечню разновременно: сначала ушли они из Малой Чечни, а потом уже стали по частям уходить и из Большой. Такое переселение их весьма естественно: общества Аргунское и Назрановское, находясь в первобытной грубости, и понятия не имели об общественной жизни. Необузданные племена эти для пропитания своего занимались разбоем и грабежом, почему слишком тревожили русских в Малой Чечне, тогда как ичкеринцы были менее опасны русским в Большой Чечне. В ичкеринцах сохранялись начала общественной жизни, привитые у них аварцами, и они были менее грубы и опасны. Постепенно удаляясь от черных гор, русские селились в сердце плоскости; таким образом, они несколько времени жили в Качкалыке и Надсунженском хребте (гребень — отсюда гребенские казаки), где еще долго оставались после ухода своих собратий.

IV. Происхождение чеченского племени и его расселение

Как произошло это племя? Ответить на это невозможно, потому что ни из преданий, ни из других источников нельзя извлечь данных для решения этого вопроса.

О происхождении своем чеченцы не имеют общего народного предания. Говорят, что какой-то Шамский князь (Шам — Сирия), заслужив гнев своего повелителя, бежал и поселился на Кавказе. У него было несколько сыновей, из них младший, называвшийся Нахчой, взял себе уделом землю в горах и сделался родоначальником чеченцев. Предание это ничем не подтверждается и есть скорее выражение тщеславия молодого народа, желающего иметь своим родоначальником княжеского сына; или же не есть ли оно переиначенная генеалогия фамилии Шамхалов, происходящих от шамского Шамхала, поставленного Абу-Муслимом главою начавшейся на Кавказе магометанской религии? По своему неведению чеченцы могли применить этот факт к своему народному происхождению. Да и самое название «нахчой» имели первоначально только жители плоскости Чечни, т. е. название это проявилось в конце XVII столетия. Есть и другие подобные этому предания о происхождении чеченцев, но все они не заслуживают внимания. Вообще же происхождение чеченцев так же трудно определить, как происхождение всех мелких неисторических народов, а потому, не вдаваясь в глубь времен, достаточно привести данные, которые могли бы дать происхождению народа правдоподобное основание.

Много народов перебивало на Кавказе, могущественные и сильные занимали его северную плоскость, слабые же племена, для безопасности своей, удалялись в глубь гор и более укрепленные места. Новый наплыв народов, шедших из Азии в Европу через Кавказ, вытеснял прежних жителей с занятых территорий; вытесненный народ должен был подаваться далее на северо-запад. Но при этом движении он не мог продолжать путь прежним целым обществом. Отставшие от следования люди удалялись в горы и там, укрепляясь, смешивались с туземцами. Предание говорит, что первобытные фамилии чеченского племени вышли из-за снеговых гор на северные их подножия, откуда стали уже разветвляться по другим местам. Можно допустить, что во время Великого переселения народов, когда все страны Востока находились в

сильном брожении, движение это отозвалось и на Грузии, а потому грузины и соседние с ними горские племена зашли в нынешнюю Чечню и, поселясь в ней, смешались с туземцами; смешение это и теперь очевидно на порубежных землях чеченского племени: например, жители аулов Мааста, Малги и др. составляют нечто среднее между чеченцами и хевсурами, так же как некоторые чаберлоевские фамилии составляют как бы помесь чеченцев с тавлинцами, а некоторые фамилии назранов-цев составляют помесь чеченцев с нагорными племенами, гладалоевцами и др. Первобытные жители этой страны занимали дефиле между снеговыми и лысыми горами, т. е. юг бывшего Аргунского округа, часть Назрановского и часть Чаберлоя. Племенные остатки, водворившиеся на этой территории, селились ниже их и ближе к плоскости, почему первобытных обитателей пришельцы называли ламорой, от слова «лам» — гора, т. е. живущие на лысых горах; сами же получили название «шотой», т. е. живущие ниже их и ближе к плоскости, на черных горах. Водворяясь в горах, племена эти имели каждое своего предводителя или главу, водворившего их на занятой земле, по слабости этого племени, предводитель искал для жительства своего народа укрепленное место, именем его, как сам народ, так и соседи, называли занятую землю и самое племя, и таким образом он делался родоначальником фамилии (тайпана). Фамилии Шароевская, Чантинская, Аккинская, Хильдихеройская суть первобытные туземные фамилии этой страны; фамилии же Михалоевская, Паматоевская, Варандоевская и др. суть уже фамилии пришельцев в эту страну. Может быть, все эти фамилии, пришедшие из разных стран, имели каждая свой собственный язык. Размножившись, они почувствовали недостаток в земле и должны были раздаваться во все стороны. На юг, далее в горы, им нельзя было двигаться, ибо там водворился сильный народ, некогда вытеснивший оттуда первых обитателей Чечни, а потому они должны были раздаваться в три остальные стороны. На востоке они смешиваются с первобытными чаберлоевскими обитателями и составляют в Чаберлое новые фамилии. Слабое первобытное племя Чаберлоя утрачивает свой язык, принимая новый, чеченский; вот почему чаберлоевцы и теперь говорят столь грубым и неправильным чеченским наречием, что нельзя не сомневаться в том, есть ли это природный их язык. На западе пришельцы заняли назрановские горы, где, смешавшись с туземцами, составили много новых фамилий, как-то: Галгаевскую, Галашевскую, Ингушевскую (ангушт) и другие, а на север подались до южных подножий черных гор. Выходцы из других стран — грузины, аварцы, хевсуры и другие — водворялись между ними; иноземцы с охотой селились у них, как вольных людей, не имевших ни правления, ни правителя. Таким образом персияне, разбитые аварцами при Надир-шахе, рассеялись по Дагестану, из них некоторые поселились между чеченцами и составили собою новые фамилии, как-то: Туркой, Хуркой, Хой, Парсеной и проч. Первобытные фамилии чеченского племени старались о приобретении новых земель, что было поводом к раздорам и кровопролитиям. Для жительства своего они избирали места не столько выгодные и красивые, как более неприступные и укрепленные. Со временем беспокойные люди других стран и беглецы разных народностей увеличивали собою число чеченских фамилий. Пришельцы были умнее, предприимчивее туземцев-ламоройцев, почему брали верх над ними и теснили их, чему лучшим доказательством служит то, что фамилии пришельцев завладели лучшими и выгодными землями, оставив ламоройцам бесплодные высоты лысых гор. Что пришельцы превосходили их в умственном развитии, видно из того, что и теперь ещё простота ла-моройцев служит предметом насмешек для шатоевцев; простота их доходит почти до идиотизма. Успокоившись на занятых местностях, они укрепляют их за собою и потом воздвигают уже аулы. Мааст и Нашах славились в их стране.

Общего народного названия население Чечни тогда еще не имело; совокупись из различных народностей, население это объединилось одним общим языком. Каждая фамилия называлась именем своего родоначальника, водворившего ее в Чечне, гордилась этим именем и наблюдала семейный интерес от ущерба со стороны других фамилий. Это были в своем роде многие мелкие республики, объединенные общим языком. Предание говорит, что до переселения в Ичкерия всех фамилий чеченского племени было 59, или, как выражаются чеченцы, три раза двадцать без одного, теперь их более 100.

Фамилии, образовавшие чеченское племя и происшедшие из различных элементов, находились в неприязненных одна к другой отношениях; они взаимно грабили друг друга. Более других терпела Аккинская фамилия (Акка). Вследствие этого половина этой фамилии уходит под покровительство аварского хана, в Аух,

и получает название ауховцев; сами же для себя эти фамилии удержали название прародительской фамилии Аккий, т. е. выходцы из Акки. Чеченцы тоже называли их этим именем; когда же ауховцы приняли магометанство, а первобытная Аккинская фамилия оставалась еще в язычестве, то для религиозных отличий этой фамилии чеченцы называли первобытную Аккинскую фамилию керестан-аккий, т. е. христианские аккийцы, в отличие от ауховцев, принявших ислам****.

Ичкерия не была еще населена этим племенем, ею владели аварские ханы. Со своими зелеными холмами и тучными лугами она сильно манила к себе полукочевых чеченцев. Предание умалчивает о причинах, побудивших половину фамилий тогдашнего чеченского племени переселиться в Ичкерию. К тому могли побуждать их многие причины: 1) недостаток земли от умножившихся фамилий и народонаселения; 2) несогласия и раздоры за поземельные участки и 3) их могли побудить к тому политические причины. Грузия приобрела власть над этим народом и наложила на страну тяжелые условия; не желавшие выполнять их не могли оставаться в стране и должны были переселиться. Обязавшись платить аварскому хану ясак (подать), они начали свое переселение; но так как для хана составляло материальный интерес селить побольше людей на подать, то он различными льготами содействовал к сильнейшему переселению. Более плодородная земля Ичкерии и могущество аварских ханов привлекали к себе половину тогдашних фамилий этого племени; бесконечные драки и раздоры, происходившие в приаргунской земле, еще более усилили переселение. Слабые, надеясь на могущество хана, прибегали под его покров, и переселение произошло так быстро, что вскоре почувствовалось территориальное стеснение и следующие за сим последствия, неминуемые в среде полудикого народа: драки, убийства. Хан поставлен был в необходимость разделить землю на участки, назначить для каждой фамилии свою часть. Этой мерой водворилось кое-как спокойствие в крае. Доныне сохранилось это разделение земли на участки, и теперь участки эти населяются теми же фамилиями, какими они заняты были впервые, носят те же названия, например Чермой-мохк, Чермой-лам, и означают: земля Чермоевской фамилии, гора чермоевцев; Дишний-мохк — дишниева земля; Харачой-лам — харачоевская гора и т. д. Ясак, или подать, платили по условиям хана с жителями; условия эти, смотря по обстоятельствам, т. е. большему или меньшему влиянию хана на страну, изменялись, т. е. подати увеличивались и уменьшались. Обыкновенно платили от количества голов рогатого скота, овец, лошадей и проч. Бывали примеры, что от овец платили 3%, от скота — 1%; случалось, что от овец давали только 1%, а от скота ничего не платили. Было даже так, что от слабых фамилий брали подать по условиям их с ханом, тогда как сильные фамилии не выполняли этих условий и ничего не давали, а в случае востребования сопротивлялись силою своего оружия. Усилившись в Ичкерии, они стали не радеть об уплате ясака, со временем же вовсе перестали его давать, завладев землею как своею собственностью. Ичкерия, как уже сказано, есть кумыкское слово: Ичи-ери означает «местность среди гор». По-чеченски она называется «нахчой-мохк», т. е. «страною чеченцев». Поселившись на плоскости, чеченцы часто называли Ичкерию «де-мохк», т. е. «праотеческая земля», хотя прямое право на это имя должно неотъемлемо принадлежать приаргунской стране. Называя Ичкерию отцовскою землею, они выясняли этим то, что вышли на плоскость из этой земли, в которой они имели свои фамильные поземельные участки. Ичкеринцы строили аулы, как и шатоевцы, на своих участках и придавали аулам название фамилий, например Черми, Харачи, Цонтари и проч. — от фамилий Чермоевской, Харачоевской, Цонтароевской и т. д. И тогда еще племя это не имело общего народного названия и представляло множество мелких фамилий, говоривших одним языком. Официальное название этой страны у соседей было Ичкерия, взятое от кумыков.

На плоскость, за черные горы, чеченцы до того еще не проникали, ибо ею владел сильный народ, угрожавший чеченцам смертью или пленом. А потому они с боязнью или любопытством заглядывались на нее из Басского, Хулхулауского, Аргунского и других ущелий. Когда же русские, оставив Чечню, перебрались за Терек, то чеченцы быстро заняли плоскость, водворились на ней и получили там народное название — нахчой, утвержденное за ними всеми обществами Чеченского племени и последовательно перешедшее на остальные общества Чечни.

V. О тайпанах, или чеченских фамилиях

Жизнь чеченского народа была тесно связана с его семейными отношениями, а потому на связь их фамилий нужно обратить особенное внимание.

Происходя из различных элементов, фамилии эти, как вообще бывает у полудиких народов, враждовали между собою. Так, например, предположим, что четыре фамилии — русская, аварская, грузинская и кабардинская — водворились на одной территории; естественно, фамилии эти, не питая между собой родственных чувств, но имеющие один интерес — приобрести себе лучший участок земли, стали бы одна к другой в неприязненные отношения. Враждебное это чувство наследовало бы и потомство. Этим и объясняются неединодушные начала чеченцев. Все чеченские фамилии старались приобрести себе землю в горах, где они могли быть более спокойны, чем в доступных низменностях; поэтому-то фамилии, водворившиеся там раньше, имеют землю на северном склоне лысых гор, водворившиеся же впоследствии селились по черным горам. Когда таким образом вся территория занялась жителями, то вновь прибывшая фамилия, за неимением земли для своего водворения, жила до времени на чужой земле, т.е. была в гостях, по-чеченски — «хамалга-бяхкема». Отсюда как гостящая фамилия, так и хозяйская выжидали случая для приобретения земли; различными средствами — покупкою, силою оружия или тяжбами — они отыскивали себе землю, где, поставив свои очаги, кормили свои семейства. Некоторые пришельцы таким образом приобретали себе землю, тогда как другие, менее счастливые, оставались без нее и назывались безземельными (мохк-бацу). После ухода русских из Чечни как малоземельные, так и безземельные фамилии заняли для себя на плоскости земли, а из этого ясно, почему некоторые имеют землю в горах и на плоскости, другие — только на одной плоскости. В те смутные времена все зависело от оружия; встреча двух людей разных фамилий вместо нынешнего приветствия «салам-алейкум» (мир с тобою) тогда нередко разрешалась битвою. Сильный побеждал слабого, часто убивал его, чтобы завладеть его ничтожным имуществом: оружием, платьем, конем или ослом. Поэтому каждая фамилия составляла как бы одно тело и все члены оной находились в тесной связи. В случае обиды, нанесенной члену одной фамилии, все остальные вступались за него, как будто бы она нанесена каждому из них лично. Эта родственная связь членов фамилий называется по-чеченски «тайпан» или «тайпа», что означает «одна фамилия», «род» или «одно племя». Поэтому чеченцы, говоря о хороших или дурных качествах одного лица, спрашивают: из какого он тайпана? Или, говоря о других народах, говорят: гирий тайпа, донской тайпа, то есть осетинской фамилии, донской фамилии и др. В отношении семейного родства все члены его называются братьями — вежерей или воша, а целая связь братством — вошалла. В первобытные времена, когда члены фамилий были малочисленны, они, не подразделяясь на части, имели одно название и составляли как бы одну семью; с умножением семейных членов они, нося общее название, разделились еще на гаары, или неки, т. е. ветви и линии. Когда члены фамилий умножились так, что трудно было проживать на прародительской земле, то они отыскивали себе другие места, а потому стали разъединяться и становились незнакомыми один другому. Но это обстоятельство не уменьшало их братских отношений, а еще более усиливало их, лишь только узнавали свое семейное родство. Ветвь, или гаара, одной фамилии, уходя в другую страну, не оставляла своего участка земли в полное владение своих оставшихся братьев, но, позволяя им пользоваться ею, получала за нее от братьев бер, т. е. подарок или подать. Сильные фамилии обижали слабые; для противодействия им последние соединялись с другими слабыми или приставали к сильной и тем давали отпор обидчикам. Из таких семейных отношений видно, что связь фамилий составляла тогда в своем роде управление страной. Надо заметить, что в настоящее время, когда обычаи чеченцев начинают меняться, сливаясь с русскою жизнью, связь фамилий усиливается еще более. Совокупясь из разных элементов, фамилии соревновались между собою, не позволяя некоторым возвышаться над народом.

Выше сказано, что общество чеченского племени, состоя из множества фамилий, искони враждебных между собою, чуждо единодушия. Таким образом, назрановцы были непримиримыми врагами чеченцев на плоскости и на Тереке; они грабили и убивали друг друга; также и шатоевцы нападали на надтеречных чеченцев, эти же, мстя им, похищали у них людей и продавали их в ясыр (неволю) на запад Кавказа. Ауховцы более близки с кумыками, а назрановцы с осетинами и кабардинцами, нежели с единоплеменными

чеченцами. Из этого неединодушия чеченских обществ проистекала ничтожность политического значения их страны.

VI. Памятники, предания и сказания

Находясь на низшей степени просвещения, чеченцы не могли быть соорудителями замечательных памятников своей прошедшей жизни; ведя пастушескую жизнь, они не могли сооружать что-либо прочное. Да если бы, находясь в язычестве, они и сооружали храмы и капища, то с принятием ислама все это должно было бы подвергнуться уничтожению. В одних только горах Назрановского общества, куда ислам окончательно проник только в последнее сорокалетие, они существуют еще до сих пор.

Чеченское племя в различные времена находилось под властью разных иноземцев; для удержания за собой завоеванной земли завоеватели должны были укрепляться на ней, сооружая крепости, башни и другие постройки для содержания в них своих войск. Так, грузины, владея Приаргунским краем, оставили в нем памятники своего пребывания в каменных башнях, существующих и ныне. Аварские ханы владели Ичкерией; не столь могущественные, как грузины, и не так просвещенные, они мало отличались от ичкеринцев, почему и не оставили следов своего обладания этой страной. Власть аварцев зависела от случая; им угрожал восток, откуда могущество шамхала могло поколебать их власть, почему они более укрепляли свои внутренние земли, чем ичкеринские. Русские, владея плоскостью, имели влияние и на горных жителей. Окруженные хищными племенами, русские сосредоточивали свою жизнь в становищах, укрепляя их от вторжения хищников; эти-то укрепления должны служить памятниками пребывания русских в Чечне. Таким образом, из древних памятников Чечни достойны примечания: ров Тамерлана, насыпанные курганы, окопы бывших укреплений, а в горах — каменные башни.

Чеченцы весьма бедны преданиями, да и те сбивчивы, во многом неправдоподобны, так что в них трудно отличить истину от сказочного. Живя в неприступных горах, чеченцы не были свидетелями крупных событий, и край их не был потрясая большими переворотами, почему им не из чего было извлекать преданий для передачи потомству. Но они весьма любят слушать баснословные предания и сказки. По принятии магометанства муллы начали добывать рукописи от арабов, турок и персиян, и тогда чеченцы познакомились с рассказами о халифах, султанах, об Аксак-Темире (хромой Темир, или Тамерлан), герое восточных народов, о юродивом мулле Несерете (Наср-Эддин-мулла) и т. д.

Из чеченских преданий более прочих замечательно предание о нартах. Говорят, что Чечнею завладели неведомые до того времени чеченцам пришельцы, которых они называли нартами (нарт). Предание говорит, что они были керестанами, т. е. христианами. Они имели исполинский рост; часто представляют их одноокими, одетыми с головы до ног в железную броню; вооружение их составляли: щит (галкан или пхуниш), меч (тур) и булава (чонкур). Из преданий видно, что они, хоть и малочисленные, завладели страной, грабили жителей, убивали и теснили их, насиловали жен и дочерей или силою брали их себе в жены. Народ страшился их появления, и чувство этого страха перешло и в предание. Не одни чеченцы, но почти все горские племена говорят о них в своих преданиях; адыгейские народы ближе всех знакомы с ними, они зовут их поименно и сложили песни про их дела. Известный ключ в Кисловодске — нарзан (нарт-сана) получил название от нартов. Надтеречные чеченцы указывают места, где они жили и которые теперь носят еще их названия.

Народные сказки чеченцев тоже ничего не разъясняют о происхождении нации или случавшихся переворотах в стране. Все они говорят о нартах, калмыках, татарах и русских, т. е. о тех народах, которые были сильнее чеченцев и коих они боялись. Сами же они играют в сказаниях страдательную роль. Обыкновенно в сказках у родителей бывают сын и дочь или несколько сыновей с дочерью. Единственная дочь их пропадает, престарелые родители слезами обливают последние ступени своей помраченной жизни. Сын не в состоянии вынести их слёз и печали, седлает заветного коня своего отца, надевает прародительское оружие, пускается на поиск и кладет обет вернуться домой или с сестрой своей, или же сложить голову в поле, но смыть свое

бесчестье. Долго странствуя, подвергаясь тысяче опасностей и трудов, он проникает в жилище похитителя, обнимает сестру и предлагает ей бежать с ним. Похитителем бывает или хан, или арже-ногай (черный ногаец), или гяур-орсай (неверный русский). Сестра говорит брату, что труды его напрасны, что если бы она бежала быстрее бури, то и тогда хан на своей треногой лошади настигнет их, его убьет, а ее увезет обратно. «Что будем делать?» — спрашивает брат; они советуются и соглашаются на том, что сестра выпытывает у хана, каким образом можно его убить. Спрятав брата в потаенное место, она умывается душистым мылом (базарай-саба), расчесывает волосы, распускает длинную и роскошную косу, одевается в лучшее платье (дарай-бедер) и обольщает своими прелестями хана. На ложе любви она спрашивает, в чем заключается его сила и каким образом можно его одолеть; сама же в это время для отстранения подозрений жмет его в своих объятиях и осыпает страстными поцелуями. Восторженный и иступленный хан поддается обольщению прелестной красавицы и, как новый Самсон перед Далилой, открывает заветную тайну — талисман пресечения своей жизни. Сестра передает тайну брату, а тот, выждав благоприятную минуту, лишает хана жизни и, забрав его имущество, с сестрой возвращается к престарелым родителям, уже отчаявшимся когда-либо их увидеть.

Вообще все сказки чеченцев подобного содержания, из чего видно, что первобытные чеченцы были не предприимчивы, жили скромной домашней жизнью в недоступных местах своей родины.

VII. Переселение чеченцев на плоскость

Чеченцы начали селиться на плоскость с начала XVIII столетия, то есть с того времени, когда русские одновременно стали покидать ее. Еще до ухода русских, по различным преступлениям и другим причинам, чеченцы удалялись к русским и водворялись между ними. Полное же их переселение совершилось тогда, когда русские перебрались за Терек. К переселению побуждало чеченцев много естественных причин: ичкеринцы и шатоевцы размножились так, что им невозможно было существовать в горах, кормить овец и скот, тогда как обширная, привольная и девственная плоскость была как нельзя более удобна для скотоводства; кроме того, умножившиеся безземельные фамилии старались приискать себе на плоскости собственные поземельные участки. Опасаясь русских и полагая, что они так же легко могут возвратиться в Чечню, как могли оставить ее, они селились сперва хуторами, да и то в неприступных местах ущелий, лесов и проч. Русские нападали на них, грабили их имущество, жгли хутора, убивали и пленяли людей, так что ещё долго не решались оседло водвориться на ней. С своей стороны и чеченцы не менее беспокоили русских, мстя им теми же средствами, уводя их в плен и угоняя табуны и скот. Для прекращения их хищнических нападений, русские старались принять сильные меры. Известным своею преданностью людям они позволяли строить аулы, возлагая на них ответственность за своих людей. Безземельные и малоземельные фамилии стараются заискивать любовь русских своею преданностью, дабы этим добыть себе землю.

Заняв на плоскости земли, чеченцы усиливаются на ней и потом отвергают заключенные с русскими условия, выходят из их покорности, вследствие чего начинаются взаимные неприязненные действия. С этих пор чеченцы начинают уже более выясняться в глазах соседних народов; до того, живя в горах и отражая хищнические нападения соседей, они теперь сами выходят из домов своих и пускаются за добычей в чужие земли. Они сами тревожат чужие рубежи, и потомство в песнях передает как их удачные битвы, так и поражения. В это же время они получают народное название «нахчой». Наконец, в это же время они принимают ислам и делаются религиозными врагами как русских, так и язычествующих соседей своих и собратий. С этого времени начинается новый период жизни чеченцев — они являются между горцами сильным народом.

Объявив чеченцев своими врагами, русские отдают плоскость, на заключенных с чеченцами условиях, кумыкским и кабардинским князьям. Кумыки завладели Качкалыком и частью Большой Чечни, вследствие чего и дают этой стране свое название. Качкалык по-кумыкски называется «Гачалак», слово это означает «Страна малонаселенная или пустая» и произошло оттого, что кумыкские князья, получив от русских эту страну, водворили на ней своих единоплеменников, которые селились хуторами на выгоднейших местах, со

временем хутора эти увеличились, образовав малые аулы, которые кумыками для отличия от больших аулов назывались ненаселенными или пустыми, по-кумыкски — «гачалак». Кабардинцы присвоили себе землю левого берега р. Сунжи и часть Малой Чечни; еще до сих пор надсунженские горы по-чеченски называются «чергезай-раг», т. е. «черкесский (кабардинский) горный хребет». Чеченцы же без права занимали северные подножия черных гор и были преследуемы тремя врагами: русскими, кумыками и кабардинцами. Но обстоятельства благоприятствовали чеченцам. Положительно водворясь за Терекон, русские стали менее обращать внимания на Чечню, довольствуясь бдительностью кумыкских и кабардинских князей, как средством против вторжения чеченцев в их землю.

Небогатые князья для своих выгод водворяли чеченцев на своих землях, получая за нее ясак; с другой стороны, плодородная земля плоскости и населенность гор заставляли чеченцев искать селитьбы на княжеских землях, но первоначально они селились малыми хуторами, только для корма своего скота и овец. Они все еще не были уверены в прочности своей оседлости в этой стране, опасаясь русских, почему до времени еще не строили аулов. Когда же влияние русских стало ослабевать над Чечней, т. е. когда усилились князья, то и чеченцы стали водворяться в ней, скоро они выходят из повиновения князей, перестают платить им ясак и завладевают всю плоскостью Малой и Большой Чечни до берегов р. Сунжи. Овладев плоскостью и изгнав князей, чеченцы начинают строить большие аулы, причем совершается в их жизни новое явление. Они селятся в аулах по несколько фамилий вместе, а не по одной, как было прежде, в горах. Древнейшим аулом на плоскости считается Чечен-аул; он преимуществовал перед прочими, был обширен, лучше обстроен, имел лавки (тукен), на порогах коих виднелись армяне, евреи и кумыки. От имени этого аула чеченцы получают для себя от русских и кабардинцев народное название шашан и чеченцев.

Затем явились и другие аулы: Гермечик, Майр-туп, Гехи и проч. С этих пор чеченцы не придают своей земле названия фамилий, но называют, обратно, землю именем аула, реки или горы, а потом это же название переходит и к жителям. Так, жители левого берега р. Аргуна, от Ханкальской горы вверх до Аргунского ущелья и черных гор, назывались «чеченхой», т. е. «жители земли», принадлежавшей аулу Чечен; а как плоскостные чеченцы получили понятие об общественной жизни из этого аула, то земля его была более других уважаема и в песнях называлась «нана чечен», т. е. «мать чечен». Жители Большой Чечни назывались «аргуналь-дихеренах», т. е. «зааргунским народом», жители Малой Чечни — «гехихой», т. е. «гехинцами»; когда чеченцы отторгнули страну качкалыковских аулов, то оставили для нее кумыкское название «гачалкхой». Когда же плоскость усеялась аулами, то они себя и свою землю называли просто именами аулов: жители аулов Шали — «шелихой», Мартана — «мар-танхой», Гойты — «гойтерхой», т. е. шалинцы, мартановцы, гойтенцы и т. д.

Значительнейшим аулом на плоскости в начале нынешнего столетия был Алды; он состоял из членов 40 фамилий, и из него же являлись испытанные вожаки (бьячи) для вторжений в русские земли.

Основав на плоскости аулы, чеченцы тотчас воспользовались выгодами, которые могли извлечь от земли своей; подражая русским, они заменяют горные сохи плугами, производят правильное хлебопашество и по этой отрасли промышленности превосходят прочие племена окружающих стран. Сообразуясь с условиями своей земли, они обзавелись лучшим хозяйством, развели крупный рогатый скот, лошадей, овец и пчел и устроили прекрасные сады. Они сеяли преимущественно пшеницу, просо и ячмень. Кукуруза им до того не была еще известна, и они научились ее обсеменению впоследствии. Такие успехи поставили плоскостных чеченцев выше их горных братьев; перенимая от соседей все лучшее и полезное, они усовершенствовались в нравах, обычаях, общежитии, даже самый язык их, состоявший из природно-подражательных звуков, делается благозвучнее. Они во всем превосходят своих горных братьев, которые, отдавая им над собою первенство, называют их настоящими «нахчой», сами же, называясь этим именем поверхностно, удержали для себя название «ламорой». Из этого ясно, почему впоследствии все предприятия чеченцев: возмущения, переселения, религиозные волнения и проч. — начинались сперва плоскостными чеченцами и от них уже постепенно распространялись в горы.

Завладев плоскостью, чеченцы, не опасаясь уже более никого, смелее начинают свои хищнические действия и, довольствуясь ограждением своей свободы от притязаний кумыков и кабардинцев, признавая их братьями по религии, все свои предприятия обращают против русских.

Состояние обществ чеченского племени в то время, т.е. в конце XVIII столетия, было следующее. Ауховцы, бывшие под властью аварцев, освободились от них; малая их часть платила еще ясак кумыкам, и то более добровольно, подражая прочим жителям кумыкской плоскости, чем понуждаемая к тому силою князей. Ичкеринцы и шатоевцы ни от кого не зависели, и у них господствовала анархия в полном значении этого слова, проявлявшаяся в спорах, драках и кровопролитиях их фамилий. Жители назрановского общества остаются еще в язычестве; и чеченцы-мусульмане видят в них религиозных врагов; они ожесточаются друг против друга, грабя и убивая взаимно один другого, почему назрановцы, разъединяясь с единоплеменными чеченцами, общаются с язычествующими еще осетинами и кабардинцами. Качкалыковцы усилились и перестают давать кумыкам ясак; малочеченцы силою оружия сопротивляются кабардинцам и, отнимая их земли, отодвигаются на запад. Русские по-прежнему изредка тревожат чеченцев, требуя от них покорности русскому царю за дарованную землю. Они производят по-прежнему набеги в Большую и Малую Чечню и жгут аулы. Чеченцы не признают их власти, вследствие чего начинается продолжительная война, кончившаяся 12 лет тому назад.

VIII. Общественный быт чеченцев

Общественная жизнь чеченцев во все времена представляла печальное зрелище; она не была обеспечена никакими условиями, и если благонамеренными людьми, по примеру соседей, принимались благие меры, то не было средств приводить их в исполнение. Совокупясь из различных элементов, чеченцы старались только о благосостоянии своих собственных фамилий, не заботясь о своем общем отечестве. Почти до покорения их русскими они имели одно право — право оружия. Сильные фамилии обижали слабые, эти же, мстя им тайно и явно, только увеличивали беспорядки и вели к новым преступлениям.

Чеченцы не имели князей и были все равны между собой, а если случалось, что инородцы высших сословий селились между ними, то и они утрачивали свой высокий род и сравнивались с чеченцами. Чеченцы называют себя узденями (озди или уздень); слово это у них имеет другое значение, чем у их соседей. У последних узденство делилось на степени, слово «уздень», заимствованное ими от соседей, означает у чеченцев «человек свободный, вольный, независимый», или, как они сами выражаются, «вольный, как волк» (борз-сенна). Соседи их жили на княжеских землях, по праву ли или силою приобретенных; у чеченцев же земля была общею, и если случалось, что они селились на княжеских землях, с условием платить подать, то, усилившись, переставали ее платить и завладевали землею. Им было стыдно платить за землю, которую Бог создал для всех равно; плативших ясак горные соплеменники осмеивали и упрекали, называя их «лай», то есть холопами. По понятиям об узденстве, чеченец не мог подчинить себя другому лицу, ибо тогда узденство его теряло значение. Отсюда ясно, почему они не терпели у себя никакой власти и не выбирали из своей среды предводителей. Даже такие общественные должности, как старшина аула, десятник (тургак) и др., не существовали в прежних чеченских аулах и если случалось, что общественные беспорядки принуждали народ выбирать начальствующее лицо, то власть его была мнимой и его слушались только его фамилия и родственники. Чтобы еще резче выразить свое равенство, чеченцы называют себя витязями или воинами, по-чеченски «конахи». Чтобы изобразить отвагу или щедрость какого-либо лица, говорят: «им дики конахи ву», т. е. «он хороший воин». Слово это нельзя применить ни к русскому «молодец», ни к кумыкскому «игит» (джигит).

Эти воинственные люди расправлялись между собою силою оружия; дерущихся разнимали, мирили и улаживали дело домашним образом. Но подобный третейский суд мог быть применяем только между однофамильцами. В первобытные времена пастушеской жизни старший в роде был уважаем своею фамилиею. Он решал домашние несогласия и споры, он был и отцом фамилии, и наставником, и начальником. В случае спора двух фамилий старшие в роде советовались, как бы уладить дело,

условливались, и никто им не противоречил. Но, размножившись, народ стал иметь более тяжб, как поземельных, так и по воровству, по увозу женщин и проч. Тогда суд старшего в фамилии стал уже недостаточным. Тогда старики собирались и определялось, какое возмездие должно следовать за различные преступления. Старики возвращались домой, объявляли фамилиям изустно свои постановления и заставляли их клясться свято исполнять их. Постановления эти чеченцы называли «эдиль» или «адиль», то есть «обычай». Это же выражается словом «адат», перенятым от татар, из чего можно заключить, что и условия адата чеченцы заимствовали у соседей. Но и суд старших в фамилиях был недостаточен в вольном чеченском народе, потому что некому было блюсти за исполнением его постановлений; сильные фамилии отрицали его компетентность, а потому он существовал только между слабыми и для слабых фамилий. Прибегали также к маслагату, или примирению; тяжущихся мирили просьбами, вознаграждениями и уступками. Но и маслагат не мог удовлетворять целой стране и всяким тяжбам, а в некоторых случаях оказывал даже вред. Мало-помалу он перешел в суд по адату. Выбирали людей, известных умом, честностью, бескорыстием и беспристрастием, и возлагали на них обязанность разбирательства тяжб и их решений. Подобных людей называли «каной», т. е. «стариками» или «судьями», и народ обязан был с общего согласия исполнять их приговоры. Со временем стали улучшать порядок судопроизводства, именно до того тяжущиеся шли для разбирательства в дома судей; найдя это неудобным и чтобы судьи были более беспристрастны, определили места, где старики судьи, при стечении народа, творили правосудие и объявляли приговоры. Места подобных сходок назывались скромным именем «хаттам», т. е. «расспрос», от слова «хатта», означающего «спроси». Судьи выслушивали дело и тут же объявляли приговор, затем шли домой, от тяжущихся зависело подчиниться приговору. Так как чеченцы постепенно выходили на плоскость из гор, то и учреждение хаттама образовалось первоначально в горах. Жители бывшего Аргунского общества разбирались в Маасте и Нашахе, ичкеринцы собирались на кургане около аула Цонтари, а плоскостные чеченцы собирались в Ханкальском ущелье и Качкалыке. Собрания эти еще до появления Шамиля назывались «махкама», название это перешло к существующему ныне суду. Знанием адата особенно отличался аул Мааст.

Благоразумные мероприятия людей, любивших свою родину, не имели, однако, между чеченцами успеха; сильные фамилии буйствовали и, не боясь никого, не исполняли приговоров адата. Воровство вошло у них в славу и доблесть, убивали и резали друг друга почти без причины, и наконец начали совершаться невиданные до того преступления, перенятые от адигов, — стали похищать или силою уводить беззащитных людей — своих собратьев в неволю и продавать их в рабство в далекие страны.

Перестали уважаться обычаи отцов, и не исполнялись условия адата. В Чечне стало господствовать только одно право — право сильного. Такой беспорядок произошел еще от следующих причин. Ичкеринцы, бывшие под властью аварских ханов, отвергают их власть и завладевают землею, малочеченцы усиливаются, и кабардинцы оставляют притязания на их свободу и землю; русские не влияют уже на плоскостных чеченцев. Не имея над собою власти, дикий и воинственный дух чеченцев не дает никому отчета в своих поступках. В эти именно времена вошли в народе в поговорку возгласы, ныне повторяющиеся только на пирушках, но тогда бывшие во всеобщем употреблении: свет наш, кроме нас, кто на свете (дуне вайн деци)! Этим возгласом они обрисовывали тогдашнее состояние своей страны, то есть что поступкам их нет ответа, преступлениям — возмездия. Беспорядки эти принудили благоразумнейших чеченцев позаботиться самим о водворении спокойствия в крае. Для этого они в различных аулах приглашали к себе князей для княжения (алолу дан), обязываясь на содержание их платить ясак. Ичкеринцы и часть шатоевцев пригласили к себе мелардоевских князей (происходящих от боковых линий аварских ханов, княживших в Гумбете; «Гумбет» — по-чеченски «Меларды»). Жители Большой Чечни приглашали кумыкских, а Малой — кабардинских князей. Но не помогло и это средство. Когда князья по обязанности своей стали заявлять свою власть, то чеченцы, не привыкшие к ней, не исполняли условий с князьями. Фамилия вступалась за провинившегося сочлена, а так как князья не имели средств принудить их к повиновению, то уходили откуда пришли. Одни лишь Надтеречные чеченцы, поселившиеся на правом берегу Терека, повиновались князьям, да и то более из боязни русских, нежели самих князей. Для русских составляло тогда политический интерес держать людей в княжеском повиновении, этим средством они обеспечивали свои границы от хищнических нападений из

внутренней Чечни. Князья эти хорошо воспользовались своим положением, понимая важность своего значения. Им очевидно было, что они необходимы как русским, так и чеченцам и составляют между этими народами посредников. Чеченцы боялись князей и повиновались им, зная, что им покровительствуют русские; опять же русские, зная уважение жителей к князьям, ласкали их. Лишь поверхностно завися от русских, они владели землями правого берега Терека. Однако на жителей князья не изъевляли деспотических притязаний, коими отличались князья соседних к Чечне племен; да и невозможно было покушаться на свободу чеченцев, потому что они тотчас же ушли бы в глубину Чечни, откуда могли бы легко отмщать за оказанные несправедливости. Поэтому надтеречные аулы состояли по большей части из княжеских приближенных — эмчеков (пестунов, кормильцев, княжеских детей), их родственников. Между тем беспорядки в Чечне увеличивались и дошли до крайнего предела; терпение обижаемых вышло из границ. Народ искал спасения, откуда бы оно ни появилось. Решаются наконец на последнее средство — принять магометанскую веру, в надежде, что шариат восстановит спокойствие в крае, коим наслаждались их мусульманские соседи, и чеченцы принимают ислам.

IX. Принятие чеченцами ислама

Чеченцы говорят, что праотцы их были керестанами. По созвучию слов несомненно, что «керестан» значит «христианин». Чеченцы ныне всех иноверцев называют этим именем; например, христиане, евреи, ламаиты, часто и персияне, исповедующие магометанство шиитского толка, в их понятиях стоят на одной степени керестанизма; но, разобрав, откуда произошло это название, видно, что оно не означает язычника, но христианина. Горных язычников чеченцы называют «дын-бацу-керестан», то есть «христиане без веры» или «не имеющие понятия о едином Боге»; христиан и иудеев они называют просто «керестан», то есть «верующие в единого Бога, но не признающие пророка Мухаммеда». А из этого ясно, что, находясь сперва в язычестве, они приняли христианство и опять же, приняв магометанство, сделались врагами христиан и обратили в брань слово «керестан», называя им без изъятия всех иноверцев. Нет сомнения, что Грузия, в могучий период своей жизни, не могла оставаться равнодушною к языческой вере такого близкого, как чеченцы, соседа. Имея над ними власть, Грузии нетрудно было обратить их в свою религию. Вообще первобытные племена при переходе из язычества в единобожеские религии могут сопротивляться переходу в них из привязанности к старине, а не из крепости своих убеждений. Чеченцам нетрудно было оставить свое безыскусственное язычество, постигнув ясные доводы единства Бога христиан, к тому же для обращения их грузины, вероятно, не щадили подарков, на которые бедные горцы сыскони были падки. Грузины имели с ними сообщения по различным, хотя и трудным, дорогам; им возможно было доставлять чеченцам духовников и церковные принадлежности. Прошла пора могущества Грузии, а с нею, естественно, должна была угаснуть в Чечне только что зачавшаяся заря христианской веры, тем более что духовенство осталось вовсе без поддержки. Тогда чеченцы делаются полухристианами, т. е. начинают опять обращаться к языческой вере. Получив же однажды понятие об истинном Боге, они, при появлении мусульманских проповедников, уже легче принимают ислам, так как в обеих этих религиях одно общее — познание единого Бога. Были и другие причины, ускорившие этот переход.

В то смутное время злодеяния совершались повсеместно. Христианская религия, проповедующая в своих догматах кротость и смирение, была не по духу тогдашнего состояния страны, тогда как мусульманство не так судит о поступках человека, и там, где евангелие велит прощать врагу своему, коран позволяет воздать око за око и зуб за зуб, по закону Моисея. Натурально, последнее более нравилось полудикому народу. Обряд омовений, как обряд резко противоречащий жизни вечно грязных и неряшливых горцев, тоже был им по душе.

Магометанство приняли чеченцы от соседних дагестанских племен, потому-то они и проповедуют учение шафийского толка. Предание называет его проповедником некоего Термаола, из предания же видно, что обращали в новую веру силою оружия и что по этому поводу в стране происходили гонения, насилия и другие беспорядки. Приняв ислам, чеченцы согласились платить ясак Шамхалу, называвшемуся Валием Дагестана (наместник), платеж этот продолжался недолго. Хотя предание умалчивает о том, из какой веры чеченцы

перешли в магометанство, но нет сомнения, что они до этого были христианами. Кроме названия своих предков керестанами есть и другие факты, подтверждающие эту истину. Не желавшие принять ислам не могли оставаться в стране, а потому во множестве уходили к русским, о чем свежи предания и поныне. Распространение мусульманства, начавшееся с фанатизмом и насилиями, к концу принимает более миролюбивый характер.

До принятия ислама чеченцы были миролюбивее своих соседей. Тогда как кабардинцы и другие племена, занимаясь для своего пропитания одними грабежами, и понятия не имели о хлебопашестве, чеченцы деятельно занимались им. Западные горские племена добывали порох и огнестрельное оружие с берегов Черного моря, от венециан, генуэзцев, греков и турок, и променивали их на чеченский хлеб. Кроме того, соседи пригоняли в Чечню на обмен их хлеба лошадей и скот; гористая и скалистая природа дагестанских племен не изобиловала хлебом, а потому они меняли на чеченский хлеб свои произведения: фрукты, ковры, шелка и проч. Тогда как соседи чеченцев под знаменами своих князей толпами самонадеянно пускались за добычей к русским, напутствуемые благословениями мулл и предсказаниями их из Книги звезд (Седай-жайна, или Астрология) о благоприятном исходе мероприятия, чеченцы лишь малыми шайками, по два и по три, ночью, втайне от родителей и товарищей, пускались на добычу за Терек. Нередко удальцы складывали головы в христианской земле или, схваченные, ссылались в Россию. Много лихих дел было совершаемо ими, но некому было передавать их в родной аул, чтобы родные оплакали участь злополучных.

По принятии магометанства все изменилось у чеченцев. Коран вселяет в них непримиримую вражду к иноверцам; соплеменные галгаи, оставшиеся в язычестве, как и некоторые осетины, делаются их религиозными врагами. До того дружественные, русские и чеченцы начинают неприязненные друг против друга действия. Духовенство еще более возбуждает фанатизм народа; оно ночные набеги и воровство называет войною за веру, а павшим в этих подвигах людям обещает рай, называя их казаватами, то есть пострадавшими за веру. Впрочем, это делалось более из личной корысти духовенства.

С принятием магометанства спорные дела чеченцев должны были решаться по шариату. Но возможно ли было вольный народ, веками привыкший к адату, подчинить шариату? Шариат хорош или между благочестивыми людьми в полном значении этого слова, или же при том условии, чтобы власть была сосредоточена в руках одной особы, могущей, в случае непослушания, подчинить и принудить к повиновению угрозою или наказанием. Чеченцы ни в коем случае не были такими людьми, кои необходимы шариату; будучи благочестивы только в наружном исполнении обрядов мусульманства, они не постигали внутренних его достоинств и не имели к тому же народного правителя, а потому с шариатом у них последовало то же, что некогда с адатом: от чего страна ожидала всего лучшего, то на деле дало противное — беспорядки увеличились. Обыкновенно двое тяжущихся шли к кади (судья) на разбирательство. Кади беспристрастно объявлял приговор; исполнение его оставалось на воле и богобоязненности тяжущихся. Случалось часто так, что если проигравший тяжбу был сильной фамилии, то уклонялся от шариата и возвращался к прежнему адату, да и то не столько для выполнения его, сколько для уклонения от удовлетворения. Эти лукавые извороты и теперь еще сильны между чеченцами; и ныне часто случается, что знаток адата из кругом виноватого делается правым и исподтишка смеется над своим противником.

Благомыслящие люди всегда старались поправлять зло в народе. Чтобы исправить неудобства, постигшие шариат, нашли необходимым согласовать его с адатом, а потому некоторые дела стали решаться по адату, другие — по шариату. Согласование это введено было в других горских племенах, а потому, должно быть, оно перенято чеченцами. В настоящее время учреждением махкама (народный суд) производится более правильное, чем прежде, судопроизводство, и при бдительном надзоре русских начальников оно может удовлетворять народным нуждам. Хотя чеченские депутаты не могут еще похвалиться полным беспристрастием, по крайней мере они не служат, как в прошедшие времена, предметом насмешек и пересказов в народе за несправедливые их решения.

Издавна вольные, чеченцы наслаждаются свободой только в настоящее время. Им отведены места для жительства, разбросанные малые аулы и хутора соединены вместе и составляют правильные большие аулы, называемые уже «шахар» (город), со своим начальством и судом. Во многих местах собираются базары, где русские и чеченцы бьют по рукам, торгуясь между собой, и где чеченцы выгодно продают свои произведения. Они стократ счастливее теперь, чем в былое вольное время, когда они должны были спать с оружием в руках для отогнания ночного вора, как волк кружившегося около их домов для похищения быка, коровы или барана. Ныне они уже не походят на те нагие и голодные толпы, кои двенадцать лет тому назад, разоренные наибамы, робко являлись под защиту русских.

Примечания к статье «Чеченское племя»

I

По примеру всех мусульман чеченцы все явления природы: землетрясения, затмения солнца и луны, гром, молнию и проч., непостижимые уму без помощи науки, — истолковывают с помощью религиозных сказаний. Говорят, что гром есть звук ударов, наносимых ангелами дьяволам в их взаимной вечной борьбе; молния есть огненная стрела, коей ангелы пронизают дьяволов; после ударов ее слышен серный запах, происходящий от нечистых, которые прячутся от стрел под скирды, в дома и проч. Подобным же образом истолковывают явление вечного снега на снеговых горах. Говорят, что все создания Бога, как одушевленные, так и неодушевленные, будут в будущей жизни нести страдания за грехи. Снеговые горы, покрытые вечным снегом, следовательно, находящиеся в состоянии всегдашнего замерзания, согласились в настоящей жизни перенести это страдание, чтобы получить блаженство в будущей.

II

Говорят, что чёрные горы не всегда были покрыты лесом, и приводят для этого следующее подтверждение. Горные чеченцы за неимением леса огораживали свои дворы каменными стенами; обычай этот исчез еще в недавние времена, а в некоторых местах ведется и теперь, хотя можно оплетать заборы хворостом, так как страна им слишком изобилует. Предание говорит, что явились белые птицы, не виданные до того; они своим калом унавозили горы, и с тех пор начали расти деревья, обратившиеся в непроходимые леса. Несомненно то, что горы Ханкальские и берега р. Аргун были безлесны. Одноаулец мой, старик 90 лет, утверждает, что мать его говорила ему, что на Ханкалах рос только терновник. Опять же ичкеринцы говорят, что в целой Ичкерии не было ни хворостины, чтобы погонять быков.

III

Можно бы сомневаться в том, что калмыки господствовали в Чечне. Между тем народ в своих преданиях подтверждает их пребывание в Чечне. Например, над Сунжей есть ныне чеченский аул Гулар. Гулар по-чеченски значит «укрепленная местность», т. е. окопанная канавой, рвом, стеной и проч. Гуларский аул находится на местности, бывшей некогда укрепленной окопом, и предание говорит, что на этом месте некогда обитал сильный калмыцкий хан со своим народом. Местностей, называющихся Гулар, много и в Чечне, и над Тереком. Другие же говорят, что на том Гуларе некогда жили русские. Достоверно то, что кумыки жили на Кумыкской плоскости до самого Каспийского моря. Как ламаиты, они считались врагами всех мусульманских горских племен и самого Шамхала. Горцы тревожили калмыков, грабили и убивали их и всячески старались удалить их из этой страны. Если они действительно жили в Чечне, то, разумеется, чеченцы тревожили их не менее других горцев. Предание говорит, что, не предвидя возможности оставаться на этой территории, калмыки собрали совет из умнейших людей. Совет этот привел к такому результату. «Мир и тишину, — говорили они, — мы оставили в Небесной империи и должны возвратиться за ними в Китай». Их сильно устрасала переправа через Идиль (Волга), но случай помог им. Престарелый калмык, оставшийся в живых еще со времен водворения их на Кавказ, предлагает народу свои услуги. Он приказал свить себе корзину и приготовить легкодоступного верблюда. Старика посадили в корзину и навьючили его верблюда, и

таким образом началось под его предводительством отступление калмыков. Старик нашел такой удобный брод, что даже овцы были переправлены на восточный берег Волги. Когда все до одного переправились, то и старик начал переправляться; вдруг поднимается ветер, Волга разыгралась, волны сбили с ног верблюда, и калмык утонул. Событие это сочли за благоприятное, говоря, что сам Бог хранил старика только для этого дня. На деле же вышло противное: калмыки были настигнуты русскими; часть их истреблена, часть успела уйти в Китай, и часть возвратилась в Россию.

Как бы то ни было, но видно, что они недолго находились в Чечне. Об удалении их из Чечни есть еще и другой рассказ. Двое ичкеринцев, преследуя оленя, зашли на плоскость, где были схвачены калмыками и представлены хану. Он расспрашивал их, что они за люди, чем занимаются, как живут и т. д. Слово за слово, разговор зашел о красоте женщин — чувствительной струне калмыцкого хана. Ичкеринцы говорили, что некрасивые калмычки не должны бы пленять сердце такого важного, как он, лица, и прибавили, что у них в Ичкерии в Дишниева фамилии есть девица чудной красоты. От света ее очей, добавили они, ночь становится днем: так не мешало бы ему достать эту красавицу, не щадя денег. Хан заочно воспламенился любовью к этой девице и просил их содействия к ее приобретению. Желание хана было объявлено дишниевацам. Собрав совет из умнейших людей страны, они составили условия и отправили девицу с послами в путь. Узнав, что девица в дороге, высокомерный хан унизился до того, что сам выехал к ней навстречу и взял под уздцы верблюда, на которого пересадили девицу. Присланные сказали, что он не иначе получит руку ее как с условием, что уступит ичкеринцам страну и переберется за Терек. «Хочешь иметь ее своей женой, отдай нам землю, а не хочешь, мы отправим ее к султану». Хан согласился, но просил полгода срока; время это он желал спокойно провести в объятиях новой супруги. Он сдержал слово: через полгода чеченцы не видели более калмыков и заняли плоскость. Говорят, что, увидев зеленые луга Затеречья, чеченцы думали перебраться и туда, но были остановлены неимением лодок. Это их не задержало; накопив сена, они наметали стог и спустили его на воду, сами сели на него. Стог размыло водой, и не умеющие плавать утонули. Это предание опять подтверждает пребывание калмыков на плоскости Чечни; очень возможно, что, занимая Кумыкскую плоскость, они заняли и часть Чечни. Но утверждать, что плоскость оставлена чеченцам калмыками, было бы несправедливо; ее оставили им русские, а потому калмыки могли быть в Чечне до водворения русских на плоскости.

IV

О набеге кабардинцев на владения Шамхалов сохранилось такое предание. Кабардинцы напали на пограничный аул, забрали имущество, скот и всех людей и безнаказанно ушли за Терек. Полагая, что находятся уже вне опасности, они на берегу речки Кулкужу, в Кабарде, предались пиршеству и стали делить ясырь, т. е. невольников. Узнав об этом, Шамхал пришел в ярость, собрал многочисленное войско и готовился в погоню. Некто Али, любимец Шамхала, отсоветовал ему лично идти в погоню и взял это предприятие на себя. Выбрав двести отборных всадников, Али пустился за кабардинцами; он настиг их при р. Кулкужу и расположился недалеко от них. Али был человек разумный; ночью лично освидетельствовав оплошность пирующих, он с рассветом приготовил свою рать следующими словами: «Вы видите, братья, оплошность гяуров (кабардинцы были тогда язычниками): полагая, что скрылись от глаз нашего Шамхала, они торжествуют, они сняли панцири и оружие, отуманили свои головы вином, беззаконничают с нашими беззащитными женами и сестрами и делят, как овец, наших братьев. У кого бьется сердце робостью, пусть тот удалится от меня и пойдет искать следы пройденных ног своего коня; у кого львиное сердце, тот только мне товарищ. Отмстим же кабардинцам за бесчестье наших братьев, жен, сестер и да сделаем лицо Шамхала белым (ясным)!» Они ринулись на полупьяных кабардинцев, истребили их до последнего человека и с пленными братьями возвратились к Шамхалу. Великая милость была наградой Али. Во времена этих своеобразных набегов кумыки и чеченцы не занимали еще плоскости.

V

Что чеченцы были тогда покорны русским, это доказывает само название, данное чеченцами русским царям. Государь по-чеченски — «падишах», или «падшах», т. е. «царь мира». Не может быть, чтобы они, религиозно симпатизирующие султану, не дали бы ему этого титула, если бы не были покорны русским. Султана они называют «хункяр», а персидского шаха — шахом.

VI

Түземец лучше, нежели иноземец, может знать о событиях своей родины из народных преданий, поверий и пословиц. Еще в 1854 г., т. е. когда Шамиль был во всей своей силе, я помню совершенно ясно, как чеченцы, толкуя о битвах русских с Шамилем, говорили, чувствуя бессилие последнего: «В прошедшие времена русские были отцом страны и матушка (баба) русская тогда ходила одна по черным и лысым горам». Нужно знать, что одиночное хождение женщины по горам считается у чеченцев значительным фактом. Когда же Шамиль был взят и Чечня усмирена, то народ как будто был приготовлен к этому и предвидел это; я помню очень хорошо, как земляки мои утешали себя словами: «Нет сомнения, что русский опять сделается отцом страны, оцепит горы крепостями (галаниш) и матушка будет расхаживать по горам. Но Бог велик, явится тури-да (отец меча) и изгонит их за Терек». Не доказывают ли эти народные пересуды того, что русские действительно имели влияние на жителей лысых гор?

VII

Предание говорит, что когда все русские ушли за Терек, то остался в Чечне один только русский, именем Тарас, на своем прежнем жительство. Он был человек зажиточный и мужественный. Жилье его было выстроено на развесистом дубе; под ним содержался его скот и пчелы. Таким образом один он провел два года. Слух о его богатстве распространился между чеченцами, но храбрость его удерживала их от злокозненных покушений. Наконец два зумсоевца (из Аргунских фамилий), прельстясь его богатством, вознамерились убить его. Напасть открыто они не решались, но, сделав засаду за кустами, привязали фитильное ружье к дереву и навели его на дверь Тарасова дома. Тарас беспечно возвращался в свое жилище. Зумсоевцы метким выстрелом убили его. И, мертвый, он не свалился с ног, но умер, прислонившись к двери, и был еще им страшен. Полагая, что он употребляет против них хитрость, они только через два дня удостоверились в его смерти и тогда забрали его имущество.

VIII

Первобытные обитатели этой страны назывались чаберлоевцами (чаберлой). Когда же на Шаро-и-Чанти-аргунской территории образовалось Чеченское племя, то, умножившись затем, оно подвинулось в окрестные стороны. Оно заняло Чаберлой и, смешавшись с его обитателями, составило новые фамилии. Түземцы же Чаберлоя утратили свою национальность и природный язык, почему еще и до сих пор неправильно выражаются по-чеченски. Страна, однако, удержала за собой свое первобытное название — Чаберлой.

IX

Между чеченцами есть незначительная фамилия Парсеной, происходящая от остатков разбитого персидского войска. Замечательно созвучие слова «парсеной» с «персами», хотя чеченцы зовут персиян «кизилбаш» или «гажарай».

X

Чеченские общества рассказывают много анекдотов одно про другое. Считая себя более развитым, общество Чечни обыкновенно смеется и подтрунивает над другими. Например, об ауховцах рассказывают: пошли три ауховца к кумыкам учиться их языку; пробыли три года и выучились говорить все трое три фразы, т. е. каждый по одной. Первый знал одно слово «биз», т. е. «мы», второй — «хальва учун», т. е. «за халву» (халва — сладкое тесто), а третий знал слово «жан чыксын аузна», т. е. «пусть душа вылезет через рот». Возвращаясь домой, они беспрестанно повторяли эти слова, чтобы вовсе не забыть их. На дороге увидели они

зарезанного человека и начали его осматривать; вышедшие на тревогу родственники зарезанного подъехали к ним и спрашивают, не знают ли они, кто убийца? Первый ауховец преспокойно отвечает: «Биз», т. е. «мы». Кумыки удивились, что они так легко сознались в убийстве, и спросили: «Что он вам сделал, за что вы его убили?» Тогда второй сказал: «Хальва учун», т. е. «за халву». Кумыки удивились еще более и упрекали их, говоря: «Разве можно убивать мусульманина за халву?» Чтобы не отстать от товарищей в знании кумыкского языка, третий сказал: «Жан чыксын аузна», т. е. «пусть вылезет его душа через рот». Раздраженные их ответами, кумыки перебили их.

Сидели ауховцы кружком, вытянув в центр ноги; на всех были желтые сапоги, только что купленные на базаре. Подъехавший всадник спросил их: «Что вы делаете и почему не идете домой, уже вечереет?» Ауховцы отвечали: «Мы не можем разобрать наших ног, они все желтые» — и просили его помочь им. «С охотой», — сказал всадник и начал бить их нагайкой; от боли они повскакивали на ноги и благодарили всадника за оказанную услугу.

Шли ауховцы по полю, увидели нору. Полагая, что в ней сидит лисица, один из них влез в нору. К несчастью, в норе была не лиса, а медведь, и, лишь только ауховец всунул туда голову, медведь свернул ему шею. Трепетавшегося ауховца вытащили из норы и, не видя на нем головы, спрашивали друг друга, была ли она на нем. Никто не мог дать утвердительный ответ. Призвали из аула его жену и спросили ее, была ли у него голова. «Была ли на нем голова, признаться, я не знаю, — сказала она, — но знаю, что шила ему ежегодно папаху».

Шли ауховцы по крутому и обрывистому берегу реки и увидели в пропасти мешок. Как бы его достать, рассуждали они. Взяв друг друга за руки, они составили из себя цепь; из них первое звено ухватило за дуб рукою, а цепь спустилась в пропасть за мешком. К несчастью, у первого звена почесалось в голове, он просил второе освободить на минуту руку, чтобы почесаться. «Ну, скорее же!» — сказала второе звено и освободило руку; все остальные погибли.

Шел шатоевец по Чечне и нашел арбуз. «Что за зеленая у чеченцев тыква!» — подумал он и понес его домой. Жена сварила арбуз и подала его мужу; найдя его безвкусным, шатоевец сказал: «Дурак же я, что не догадался, что он неспелый; стоило же труда нести его из Чечни в горы!»

Пошли чеченцы к назрановцам обращать их из язычества в мусульманство. Один галгаевец, принимая новую веру, получил наставление, чтобы до смерти своей ежедневно молился Богу пять раз и постился бы один месяц в году. Возвращаясь домой от миссионеров, он повстречался со своим товарищем, шедшим тоже к миссионерам. Новообращенный сделал ему такое наставление: «Смотри не оплошай, я промахнулся; обязывайся поститься один месяц в году, но не обязывайся молиться, потому что этот обряд должен будешь исполнять до смерти. Не легче ли тебе пропоститься месяц, чем до конца жизни бить головою в землю, подобно вонючему жуку».

XI

О разделении Ичкерии на фамильные участки рассказывают следующее. Земля делилась при собрании целого народа; когда фамилия получала свою часть, то для отстранения на дальнейшее время поземельных недоразумений все присутствующие брались свидетелями в означении границ. Для этого на конце границы резали быков и баранов и варили мясо в огромных котлах и в знак утверждения границ потчевали свидетелей. В знак этого торжества по окончании угощения котлы скатывались с гор до другого конца границы, чем изъявляли свое вступление во владение землей. Часто случалось, что и на другом конце границы повторялся пир.

XII

Шатоевцы и назрановцы неохотно зовут себя нахчоями, что происходит от их прежних враждебных отношений к чеченцам. Но при излиянии сердечных чувств при встречах, в гостях, на пути и проч. они всегда

подтверждают свою единоплеменность, выражаясь: «Мы общие братья (вай ца вежерей децы)» или «Мы одинаковые нахчой (вай ца нахчой ду)».

XIII

При этих случаях часто происходили трагические сцены. Есть рассказ о случившемся еще в недавние времена. Некто Ногай-Мирза, Чермоевской фамилии, проезжал верхом через один аул. Он увидел растрепанную женщину, бежавшую с криком и воплем от мужчины, преследовавшего ее с обнаженным кинжалом. Женщина вопила: «О, мусульмане, сжальтесь надо мной, меня убивают безвинно; неужели не осталось на земле ни одного моего брата, чермоевца, который защитил бы невинную сестру!» Ногай-Мирза подскочил к ней и сказал: «Чермоевцы еще живы, шашки их не притупели» — и, выхватив из ножен шашку, убил гнавшегося за женщиной. Она была Чермоевской фамилии. Есть много подобных рассказов, в которых фамильные братья подвергаются опасности, не щадя своей жизни для взаимной помощи.

XIV

О переселении своем в Ичкерию все чеченские фамилии рассказывают басни и легенды. Чермоевская фамилия говорит так: фамилия эта вышла из Мааста и водворилась в ауле Нашах, следовательно, она — хевсурского происхождения. Один зажиточный чермоевец лишился в Нашахе родителей и решил оставить это грустное для него по воспоминаниям место. Отыскивая другое местожительство, он взобрался на гору, называемую ныне Чермой-лам, т. е. «гора чермоевцев»; с высоты гор он любовался окрестностями. День был жаркий; невдалеке журчал ручей. Утомленный от ходьбы и зноя, он воткнул свое копье (гемук) у ручья и прилег отдохнуть. Проснувшись, увидел он на конце копья свежесвитое птичье гнездо и, сочтя это за благоприятное предзнаменование, поселился тут со своим семейством. Вскоре и другие однофамильцы присоединились к ним и составили аул Черми в Ичкерии. У подошвы этой горы существовал знаменитый шамилевский аул Ведено.

Когда фамильные ветви, или гаары, уходили в иную землю, то они не оставляли своего поземельного участка в полное владение оставшихся братьев, но, считая его своей собственностью, позволяли братьям пользоваться им, за что получали от них бер, т. е. подарок или род подати. Для примера приведу гаару моей Чермоевской фамилии. Эта фамилия имела земли в Ичкерии, бывшем Аргунском округе и Чечне. В начале нынешнего столетия чермоевец Ногай-Мирза, мой прадед, переселился из Ичкерии на плоскость со своим имуществом, состоявшим из рогатого скота. Он перебивал во многих аулах, но нигде не оставался доволен качеством земли, которое определял следующим средством. У него была мера для хлеба, называвшаяся «гирди» (около 5 гарнцев). Коровы его не могли нигде одним удоем каждая наполнить молоком эту меру, как бывало в Ичкерии. Отыскивая лучшую землю, он зашел на Терек, где, к его радости, молоко перешло через края гирди. «Вот та земля, которую я искал», — сказал он и основал аул, существующий ныне и носящий его имя. Наша фамилия получала от оставшегося в Ичкерии участка бер, или подарок. Еще за время Шамиля, т. е. спустя сорок лет после своего ухода из Ичкерии, отец мой ездил за бером к чермоевцам. Бер этот состоял из пары овец, одного или двух сафьянов и до 15 аршин бязевой материи, но, как бы мал ни был этот сбор, фамилия наша гордилась им, говоря, что получила его за праотческую землю, и хвалилась этим перед безземельными людьми. Пашни нашей фамилии еще в 1860 году мне указывали чермоевцы.

XV

Весьма вероятно, что башни в горах — грузинской постройки, но я не настаиваю на этом мнении и даже указываю на слышанное мной от одного лица мнение, по которому сооружение их приписывается фамилии Парсеной, жившей некогда в аргунском крае. Теперь этой фамилии уже там не существует; она перешла на плоскость, где, кажется, состоит из двух–трех дворов. Насколько мнение это верно — сказать не могу; достоверно только то, что о владычестве персиян в горах у чеченцев нет преданий. О грузинах же — гуржиях — народ много говорит в своих преданиях.

Из древних памятников Чечни замечательны:

1) Ров Тамерлана.

В различных местах Чечни, за Аргуном, около укрепления Воздвиженского, в Малой Чечне и над Тереком, можно и теперь еще видеть ров, уже от времени почти сровнявшийся с землей. Чеченцы приписывают его Тамерлану и называют его Аксак-Темир-ор, т. е. «ров хромого Темира». Насчет этого рва предание говорит, что у Тамерлана пропал сын; чтобы отыскать его, он собрал многочисленное войско и решился или покорить мир, или отыскать сына. Чтобы вернее возвратиться обратно, он копал по пройденной дороге ров; войско его было столь многочисленно, что на долю каждого воина во время копания рва досталось только по одной торбе земли. Ров этот простирался от Каспийского до Черного моря и шел на Русь. Тамерлан предложил своим воинам набрать побольше земли с собой, сказав, что как взявшие с собой землю, так и не взявшие воины будут раскаиваться. Воины не поняли слов Тамерлана, а потому некоторые взяли с собой землю, другие же нет. Набранная земля превратилась в золото, и вещи слова Тамерлана исполнились. Набравшие землю воины сожалели, что взяли ее мало, не набравшие же сожалели, что не взяли ее. Потом говорится, что сын его находился табунщиком у тогдашнего татарского хана Тохтамыша. В этом табуне был конь Турпал (вроде русского Полкана). Сын Тамерлана сел на него; конь чутким ухом услышал шум идущего войска Тамерлана и присоединил к нему сына. Побив татар, он вернулся обратно.

2) Насыпные курганы.

Не в одной Чечне, но по всему Северному Кавказу, поблизости воды, разбросаны курганы. Большая часть их окопана рвом. Копавшие ров как бы очерчивали сперва большую окружность круга и по ней уже копали ров; из выкопанной земли в центре круга насыпали курган, почему величина кургана соразмерна с окружностью рва. Соорудитель кургана мог иметь двоякую пользу: на кургане он жил со своим семейством, а ров служил защитой от врага; ночью загонял он в него свой скот. Курганы обыкновенно расположены группами, отстоящими одна от другой на расстоянии около десяти верст. Между малыми курганами каждой группы всегда бывает один большой, господствующий над окрестностью. Можно полагать, что группа курганов составляла селение, улус; на большом жил князь или вождь, на малом — его подвластные. По множеству курганов можно предполагать, что они насыпаны многочисленным народом. Некоторые полагают, что курганы эти суть кладбища некогда существовавшего сильного на Кавказе народа; очевидцы утверждают, что, раскапывая один курган на земле надтеречных чеченцев, вырыли человеческий остов, лежавший между каменными плитами. В могиле нашли вместе с остовом кинжал и глиняный кувшин (рукомойник). Есть предание, что курганы эти сооружали калмыки и татары; но это едва ли так, потому что эти народы обыкновенно жили в войлочных кибитках и никогда не производили подобных инженерных работ.

Некоторые курганы имеют раскопанные вершины, например курган над Тереком, называющийся «ахкене чу барз», т. е. «курган с раскопанной внутренностью». Предание говорит, что его раскапывали русские в надежде добыть из него казну (клад или золото). Когда работавшие уже докопались до клада и заступ, ударяясь о металл, издал звук, тогда вдруг поднялась гроза; град и буря истребили работающих. Народ и теперь того мнения, что золото в нем есть, но что нечистые духи (шайтан) стерегут его. Но вряд ли мои земляки испугались бы шайтана; их более удерживает от раскапывания неуверенность в существовании клада. В Чечне находили в курганах деньги, кувшины, горшки, серебряные запястья и другие вещи, но все это оказывалось зарытым с прошлого столетия, со времени начала войны чеченцев с русскими.

3) Окопы бывших в Чечне укреплений.

Грузины и аварцы имели власть над горными чеченцами, не касаясь плоскости, так как она не была еще населена. Владея некогда плоскостью, татары, занимаясь скотоводством, не имели необходимости сооружать укрепления, тем более что чеченцы были слабее их. А потому весьма вероятно, что окопы эти сооружены

русскими. Чеченцы вполне в этом уверены. Так, например, курган Гойтен-корта, около Аргуна, в Большой Чечне коего окопы еще совершенно и теперь целы. Говорят, что он был средоточием для русских, остававшихся более других в Чечне. В Мартанском и Гойтенском ущельях тоже существовали окопы: чеченцы находили в них серебряные и медные деньги.

4) Каменные башни.

Хотя народ не имеет преданий о сооружении башен, но можно, однако же, с некоторой вероятностью приписать его грузинам. Грузины могли проникать на Северный Кавказ. Они имели с чеченцами сообщения по разным пешеходным дорогам, существующим и ныне; замечу еще, что много чеченских фамилий приписывают себе происхождение от грузин. Во время своего владычества над чеченцами грузины могли сооружать каменные башни для содержания в них войск; башни эти служили им оплотом против слабого народа. Башни имеют вид усеченной четырехгранной пирамиды с малым основанием, почему кажутся узкими и высокими. Туземцы называют их «гала» (укрепление); это опять указывает, что в них содержались войска. Притом они воздвигнуты на таких местах, откуда удобно наблюдать над местностью. Башни близ аула Варанды господствуют над грозным ущельем Аргуна. Что Грузия имела влияние на Чечню, видно также из сохранившихся в Чечне названий грузинских монет: сом, абаз, шаур или шей.

В горах назрановских есть примечательные памятники: языческие капища бога ЦУ, Бораган-кеш, т. е. кладбище Борагана, и др., которые по исследованию могли бы оказать пользу науке. Я не мог там быть.

XVII

Чеченцы часто переиначивают предания, соображаясь с настоящими событиями. Например, все библейские патриархи и пророки, по их мнению, были магометанской веры. Первые халифы истребляли неверных артиллерийским огнем; также и Тамерлан был, по их мнению, отличный артиллерист. Так как из западных народов им более известны русские и турки, то остальных европейцев они считают фамилиями (тайпан), состоящими под властью русского царя или султана и платящими им подать.

Нарты оставили про себя много рассказов в чеченском народе, как в горах, так и на плоскости. Везде эти керестан-исполины являются угнетателями народа. Приведем для примера несколько рассказов. Жила в Ичкерии сирая вдова, лишившаяся двух сыновей, убитых нартами. Сидя в землянке своей, старуха вспоминала о своем несчастье и горько плакала. Стенания ее были прерваны раздавшимся на дворе шумом. Выйдя из землянки, она, к ужасу своему, увидела семерых нартвов и готова была бежать, когда один из них задержал ее и просил накормить их. Делать было нечего; она ввела их в землянку, развесила их щиты и оружие по стене и принялась за стряпню. Вложив в маленький котелок ребрышко сушеной баранины, она повесила его на огонь и, взяв горсть муки, смесила лепешку. Нарты забавлялись над таким легоньким обедом, ибо каждый из них съедал по барану. Но каково же было их удивление, когда, принявшись за поданный обед, они не съели всего мяса и хлеба. Они попросили старуху объяснить им это чудо. Старуха отвечала: «До нашествия нартвов на Ичкерию страна благоденствовала; хлеба, молока и масла было в изобилии; дети наши росли и хорошили на радость наших старых лет. С появлением нартвов все изменилось, видно, Бог наказал нас за грехи наши вашим нашествием. Урожаи прошли, коровы не дают молока, благодать, как река в море, утекла из Ичкерии; глядя на детей наших, мы выплакиваем глаза и ускоряем печальные дни нашей жизни. Нарты убивают мужчин, а дочерей уводят к себе для бесчестья. Да будут прокляты нечестивые нартты со своим семенем; уж лучше бы Бог наслал на нас моровую язву и истребил бы всех! Мясо и мука, вам поданные, сбережены еще с того благодатного времени, когда мы не ведали о нартах». Услышав этот рассказ, нартты устыдились за самих себя, устыдились того, что они служат карою для народа, что они даже самую природу разгневали своими беззакониями. Раскаяние овладело их сердцами; они сделались названными сыновьями старухи, обстроились жильями вокруг ее землянки и, поженившись на невестах, ею избранных, слились с чеченцами. Некоторые, изменяя этот рассказ, говорят, что нартты после чудного обеда вместо браги (нихи) растопили красную медь, выпили и погибли.

Надтеречные чеченцы имеют более сведений о нартах. Из их преданий видно, что некогда существовали два нарта: Наур и Гожак. Жилище Гожак-нарта и теперь еще видно на земле Нога-Мирза-Юртовского аула и называется «Гожак-ор», т. е. «пещера или подкоп Гожака». Отверстие этого подкопа выходит на отвесную кручу и имеет один аршин в диаметре; потом подкоп расширяется и простирается более 5 версты в длину, представляя множество комнат, которые имеют до сажени высоты. Земля из этой пустоты была выносима из отверстия под кручу, где таким образом образовался большой курган. Подобная же пещера видна на земле Верхне-Наурского аула и называется «Наур-ор», т. е. «пещера Наура». Эти два нарта господствовали на земле Надтеречных чеченцев, и вот что дошло к потомству в преданиях об их делах. Гожак имел красивую жену, именем Белашай. Наур влюбился в нее и вознамерился завладеть ею. В этом помог Науру его приятель, кабардинец. Они сварили водки и, разлив ее в сосуды, навьючили на коня; с ним кабардинец отправился к жилищу Гожака. Последнего не случилось дома. Зная дорогу, по которой Гожак возвращается домой, кабардинец расставил по ней сосуды с водкой на известном расстоянии один от другого. Утомленный Гожак, возвращаясь домой, увидел первый сосуд с водкой и выпил его; так же точно выпил он и все другие и, отуманенный, свалился с ног на пороге дверей своего жилища. Кабардинец снял с него голову и отнес к Науру, за что получил сто коней в награду, а Белашай сделалась женой Наура. Наур имел двух жен: первая, Сатайхан, имела пребывание на кургане над Тереком, на земле Старо-Юртовского аула; другая же, известная уже Белашай, жила в горах Нога-Мирза-Юртовского аула, на кургане. Сам же Наур жил в своей пещере, находящейся на земле Верхне-Наурского аула, т. е. он жил посреди резиденций своих жен, в расстоянии 40 и 30 верст от них. Но это расстояние не препятствовало ему забавлять своих жен музыкой. Он играл по вечерам на балалайке; звук ее доносился к обеим его женам, и для каждой из них у Наура были особые музыкальные звуки; по ним они узнавали, к которой из них он сделает ночное посещение. Он имел также такое множество лошадей, что, придя на водопой, они не помещались на лугах Верхне-Наурского аула. Про его смерть говорят так. Жил за Тереком знаменитый богатырь — Ногайский Мирза. У него была прекрасная жена, которую он силой похитил у родителей. Мирза совершал свои наезды на буланом коне с черной полосой вдоль спины; от частой езды конь исхудал и был оставлен в табуне для поправления. Сев на другого коня, Мирза остался им недоволен, а потому через два месяца, полагая, что любимый конь его уже поправился, пошел его освидетельствовать и нашел его еще более худым, да к тому же еще с больной спиной. Подозрение запало в пронизательную душу ногайца. «Или жена моя разъезжает на коне к любовнику, или же любовник, посещая мою жену, ездит на нем». Чтобы добраться до истины, он употребил хитрость. С этого времени, каждый раз уезжая из дома, он ударял нагайкой свою жену, приговаривая: «Знаешь ли ты на свете богатыря храбрее меня и жену красивее тебя?» Наскучив этой выходкой, слишком часто повторявшейся, жена однажды сказала: «Затеречный Наур храбрее тебя, его жена Сатай-хан красивее меня». Ногаец тотчас понял значение этих слов и поехал к Науру. С высоты гор Наур приметил за рекой ехавшего всадника; в первый раз робость овладела его душой, и он приготовился на всякий случай. О всаднике он размышлял таким образом: если он робкой души, то будет искать брод, если же храбр и отважен, то зря кинется в воду. С высокого берега ногаец ринулся в воду, переплыл реку и предстал перед Науром. «Воин, — сказал Наур, — ко мне ли лежал твой путь, или ты идешь дальше?» Ногаец ответил: «Теперь я у тебя, захочу — уеду, захочу — останусь у тебя». Наур принял гостя, убил кобылу, сварил и подал мясо ногайцу. Насытившись, ногаец сказал: «Послушай, Наур, правым берегом Терека владеешь ты, левым — я; кони наши пьют общую воду Терека, следовательно, и мы сродни между собой. Эхо теречных гор вторит твое имя, ветер ногайских степей далеко несет звук моего имени; чего бы, кажется, не доставало нам и почему бы нам не жить дружно? Не будем толковать, как баба или дети, поговорим по-богатырски. Ты обесчестил мою жену и должен позволить мне то же самое со своей». Наур отвечал, что он в бесчестье его жены виноват и не виноват (виноват тем, что обесчестил, а не виноват тем, что жена ногайца любила Наура больше мужа), но что никому не позволит обесчестить свою жену. Они вступили в бой: один из них — ногаец, молодой и хитрый, другой — стареющий Наур, начинающий сомневаться в своей физической силе. Они вступили в рукопашный бой; уже вечерело, ногаец стал утомляться и употребил хитрость, свойственную его народу. «Посмотри, Наур, на небо, что за птицы летят по нему, да утри пот с твоего чела». Наур взглянул на небо, ногаец же сшиб его с ног и, сев на него, сказал: «И теперь я не хочу твоей

смерти; богатырь не изменяет данному слову, но жизнь твоя в моих руках — позволь лишь ночь провести с твоей женой». Наур отказал и был убит. Положив его голову в торока, ногаец поехал к Сатай-хан, провел с ней ночь и, сняв с ее пальца кольцо, вернулся к жене. Он сказал ей, бросив голову Наура: «Теперь я уверен, что ты не знаешь богатыря храбрее меня». А потом, подав ей кольцо, сказал: «И нет жены красивее тебя». Жена узнала голову своего возлюбленного Наура, взяла ее в руки, целовала и жала к своей груди и, обратясь к своему мужу, сказала: «Ты мог его убить или обманом, или же изменой; он всегда был храбрее тебя». Уличенный в обмане, ногаец устыдился, отвез жену с почетом к родителям, а сам уехал в Казань. Узнав о смерти Наура, жены его лишили себя жизни. Сатай-хан с кручи кургана бросилась в Терек и погибла в его волнах. В воспоминание этого происшествия место это и теперь называется ее именем — Сатай-те, т. е. «возвышенность Сатай». Белашай же с высокого кургана кинулась в пропасть и погибла. Курган этот и теперь называется ее именем, Белашай-барз, т. е. «курган Белашай». Потомство брата Ногайского Мирзы еще существует и рассказывает о Науре.

ХІХ

Оружие составляло необходимую потребность чеченцев с давнего до настоящего времени. Прежде они не были уверены и за один день своей жизни, почему не делали без него ни шагу, как на работах, так и дома, и, даже засыпая, осматривали, исправно ли оно. И теперь даже, когда спокойствие их ограждено законом, любовь к оружию, как и прежде, владеет ими, почему они тратят много денег на его приобретение и украшение. В минувшие времена случалось, что за ружье или шашку платили двести баранов, или столько же рублей, или холопа с холопкой. Чеченцам труднее других горцев было доставать его. Порох и оружие распространены на Кавказе с берегов Черного моря венецианцами, генуэзцами, греками и турками. Пользуясь страстью горцев к оружию, народы эти с большой для себя прибылью распространили его по Кавказу. Лучшими шашками считаются те, которые имеют на клинке изображение зверя; неизвестно почему чеченцы опознали в этом изображении обезьяну, по-чеченски — маймун, и называли шашку «терс-маймун». Русские это изображение признали за волка и называли такую шашку «волчок». Шашки, называемые калдам, имеют изображение креста и считаются старыми и хорошими. Замечательно, что персидские хоросанки и турецкие дамаски не славятся у горцев. Из ружей преимуществуют мажар-топ — вероятно, венгерские, хотя венгры славятся более саблями, чем ружьями; ценятся также ружья, называемые «грыме» (крымские) и «бахчисарай». Из пистолетов славятся: вендиг, или венецианские; перенк, или французские; генжи, получившие название от пистолетов из Генуи. При всей любви к оружию нельзя сказать, чтобы горцы были знатоками в нем.

ХХ

Есть предание, что после удаления русских из Чечни в развалинах одного из домов чеченцы нашли образ. Как и в настоящее время, тогда чеченцы были того мнения, что христиане в самом образе или кресте разумеют Бога. Считая такую находку слишком важной, народ собрался на совещание; рассудили так, что если русские, второпях переселяясь, забыли своего Бога, то, опомнившись на противоположном берегу Терека, опять вспомнят о нем и придут за ним назад. Тогда, быть может, они уже не возвратятся и останутся в Чечне; поэтому было бы благоразумнее им самим вручить его русским. Два чеченца с образом пришли к тому месту, где ныне находится Наурский аул, вызвали из-за Терека русского именем Педаро (Федора) и отдали ему образ, ожидая за бога большого подарка. Педар подарил им 10 копеек. По поводу образа в то время говорили: «Орсашна Далла дага мавагайла, Дагавиачах вай мехке буха маба-гайла». В переводе это означает: «Пусть бы русские о своем боге не вспомнили, вспомнив же, в нашу землю назад не пришли».

ХХІ

Первоначально чеченцы устроились на плоскости хуторами, ибо опасались русских, которые разоряли и жгли хутора, забирали скот и брали в плен людей. Есть предание, что семь хозяев для безопасности от русских составили один хутор; русские в числе восьми человек пришли для их наказания, но не посмели напасть на них, ушли с угрозами. Опасаясь нового нападения, чеченцы увеличили свое число до 18 человек. Через два

дня русские в числе 19 человек явились к хутору и опять, побоявшись чеченцев, вернулись обратно. Один чеченец пустил им вдогонку пулю и убил одного русского. В память этого события место называли «Майртуп», т. е. «становище храбрых». Когда на этом месте основали аул, то название это перешло к нему.

XXII

Говорят, что Чечен-аул был тогда так велик, что один всадник, вздумавший объехать вокруг аула, заморил коня.

XXIII

Кукуруза по-чеченски называется хажки, от слов «хаджи» и «ка», т. е. «пилигрим» и «пшеница», или «пшеница пилигрима». Вероятно, что некий хаджи, странствуя на поклонение в Мекку, видел, как турки и египтяне сеют и убирают кукурузу, и научил тому своих земляков. Теперь посев кукурузы составляет главную отрасль их хлебопашества.

XXIV

Водворившись на плоскости, чеченцы сделались богаче и во всем благоразумнее своих простодушных горских братьев. Для выказывания своего преимущества они называли горцев с презрением «ламорой», т. е. «горные». Горные жители были равнодушны к этому названию и отвечали: «Орлы являются из гор», т. е. сравнивали себя с орлами.

XXV

Беспрестанно разоряемые русскими, чеченцы так свыклись с переселением с одного места на другое, что это составляет их народную отличительную черту. Они переселялись без всякого повода к тому и обзаводились легкими, непрочными строениями. При Шамиле случалось, что некоторые семейства строили себе жилища в 20 местах. Отличительная черта к переселению ясно проявилась у них во время последнего переселения горцев в Турцию: чеченцы ушли туда в большом числе. Были примеры, что два раза переселявшийся переселялся и в третий раз.

XXVI

В случае убиения целая фамилия, или тайпа, бежала на иное местожительство. Кровь переходила из рода в род, пока потомство убитого не упивалось кровью потомка убившего. Первоначально кровь распространялась на всю фамилию; с умножением фамильных членов кровь распространялась на гаару, в позднейшее время — на одно семейство. Обыкновенно старались убить самого убийцу или его брата и отца. Случалось, что убивший, уплатив деньги, снимал с себя кровь, но более похвальным считалось, если убийца был прощам без возмездия. В таком случае он делался названным сыном матери убитого. Для этого убийца отпускал на голове волосы, не стриг ногтей и, обнимая новую мать, прикладывался к ее груди, как младенец. Тогда сын или родственники брили его голову, обрезали ногти, и он делался членом семейства. Бывали случаи, что названный сын навсегда оставался в новом семействе.

XXVII

Знанием адата аул Мааст славился у чеченцев перед всеми аулами их обществ, а потому тяжбы, которые не могли быть разобраны в каком-либо другом месте, поступали в Мааст. Есть следующий рассказ. Шел пеший человек с посохом в руке по крутому и обрывистому берегу реки. Пастух ближнего аула пас стадо и сидел задумавшись, спустив в пропасть ноги. Случилось так, что пешеход, не замеченный пастухом, как раз поравнявшись с ним, уронил свой посох; от внезапного шума пастух вздрогнул и свалился в кручу, отчего и умер. Родственники пастуха объявили пешехода кровным врагом, этот же, не чувствуя за собой вины, завел с ними тяжбу, решенную в Маасте. Решение было такое. Всю кровь убитого оценили в сорок коров и разделили ее на три части: $\frac{1}{3}$ наложили на пешехода за неосторожность с посохом, $\frac{1}{3}$ наложили на самый посох,

произведший шум, и $\frac{1}{3}$ — на робкую душу пастуха. Заплатив третью часть цены и отдав родственникам убитого посох, пешеход снял с себя кровь.

Одна девица любила молодого парня, а тот был к ней хладнокровен. Идя с реки, девица встретила с ним и без всякой причины стала кричать, будто бы он обесчестил ее. Свидетелей не было, и тяжба эта была решена в Маасте таким образом: если девица в пятницу после молебствия в мечети, в собрании целого джамаата (общества), явится в одной рубашке, без платка и шаровар и, влезши на крышу мечети, присягнет в своем показании, то парень должен на ней жениться; в противном случае парень считается правым. Девица не решилась исполнить приговор: чувство стыда взяло верх над страстью, и слава маастских мудрецов была прославлена в народе.

Вместе с расселением в иные места чеченцы прежде всего старались о введении у себя правильного судебного разбирательства. Заняв Ичкерия, они сильно страдали от внутренних раздоров и несогласий. Для восстановления спокойствия ичкеринцы собираются на кургане около аула Центари, выбирают из себя сто умнейших человек для составления условий о водворении спокойствия в стране. Сто избранных дают обет не сходить с этого места, не успокоив страну; они в продолжение десяти месяцев, не сходя с высоты, составили донные существующие в Ичкерии правила Адата. В память такого благодетельного события курган этот и теперь уважается народом и называется «кетиш-корта», т. е. «сборная высота». О том же старались и плоскостные чеченцы; они собирались в Ханкальском ущелье, на кургане, называемом «хан-галай-барз», т. е. «сторожевой курган». Русские называют его Ермоловским. Качкалыковцы имели тоже у себя подобное место; к ним ездили на разбирательство даже кумыки; место это они называли «етигачалак», т. е. «семь качкалыков», или «семь аулов», составлявших Качкалык.

XXVIII

Собственно холопского сословия у чеченцев не было; холопы явились у них впоследствии, и притом на других условиях, чем у их соседей. Первоначально они переняли от адыгейцев понятия об этом сословии и его добывании. Они тайно похищали или же силой уводили слабых людей соседних племен и своих соотечественников и продавали их за деньги или меняли на холопов же. Несчастные жертвы бесправия назывались «яссыр», т. е. «невольники». Были еще и другие причины, породившие рабов. Частые неурожаи тогдашних времен заставляли некоторых во избежание голодной смерти целого семейства продавать или менять на хлеб одного семейного сочлена, дабы этой мерой спасти остальных от смерти. Часто случалось, что проданный таким образом человек не был выкуплен и оставался навсегда рабом; то же самое делалось в случае несостоятельности должника. Впоследствии во время войн захваченные в плен люди делались рабами. Рабство чеченских холопов было на других условиях, чем у соседних горских племен. У этих холопы или рабы составляли низший класс народа; чеченцы же, всегда стремившиеся к равенству, не отказывали в нем холопам. Тогда как у других горцев холопы составляли особую категорию людей, у чеченцев они составляли младших членов семейства. Рабовладельцы прочих племен селили своих холопов жильями вокруг себя, и холопы, пропитывая свои семейства, несли еще рабочую повинность; у чеченцев же они жили в домах своих господ и пользовались их пищей и обувью. Почти всегда владелец и холоп работали вместе. В отношении к посторонним людям у чеченцев холопы были почти равны с народом; одно только название — «лай» (раб) — отличало его от других жителей, тогда как уздени прочих племен, стыдясь заниматься черными работами, возлагали их на рабов, всячески старались об их приобретении, и класс этот был у них многочисленный.

XXIX

Языческие верования чеченцев смешались с мусульманскими верованиями, почему весьма трудно отделать в них одни от других, так как верования эти уже приняли общую форму исламизма. Например, приняв ислам, чеченцы вместе с ним приняли верование в существование ангелов и дьяволов (малаик и шайтан, или сатана), которые, по понятиям их, извлеченным из Корана, делятся на добрых и злых, или белых и черных, причем белые суть гений мусульман, а черные — христиан. Гений эти находятся в такой же вражде,

как ангелы с дьяволами. У чеченцев есть еще и другие верования, например верование в алмасов и убуров, о которых Коран ничего не говорит; следовательно, верование это осталось в народе еще с языческой эпохи. Алмас есть существо женского пола, являющееся людям в человеческом образе на кладбище по вечерам, в глухих местах аула, леса, по дорогам и проч. Существа эти полуплоть и полудух. Они предвещают смерть человеку заунывным пением, произнося часто имя жертвы и испуская при этом стоны. Верование в алмасов и теперь еще сильно у чеченцев. Убур есть не что иное, как вампир, обыкновенно сосущий кровь младенца в колыбели. С алмасами, шайтанами и джиннами чеченцы обращаются без церемоний. Так, например, уже известный нам Ногай-Мирза шел вечером с поля и увидел на дороге женщину в белом одеянии, сидевшую на земле и плакавшую навзрыд. Ногай-Мирза расслышал зловещие слова, говорившие о наступающей смерти его любимой сестры. Он быстро подскочил к женщине с шашкой в руке; алмас вспрыгнула и убежала, оставив в руке Ногай-Мирзы свою косу, которую он успел отрезать шашкой. Коса эта как трофей висела на стене сакли и утерялась во время разорения чеченцами теречных аулов. Таким же образом они расправляются с гениями, которые вдали от взоров людских сообщаются между собой в человеческом образе. Если случается, что заблудившийся чеченец в лесу или в глухом месте набредет на их общество, то стреляет в них, и робкие духи исчезают. Различные случайности в жизни, как-то: умалишение, физическое расслабление, истерические припадки, физическую болезнь и т. д. — тоже приписывают проискам гениев и шайтанов. В некоторых случаях языческие верования отражаются в народных песнях. Таким образом, народный припев чеченцев, употребляемый ими и хором и соло на пирушках, и в печальных случаях богатым лавочником и бедным пастухом, состоит из следующих слов:

*Далай, далай, вай далай, далай,
Ялай, ялай, лайла, яла лай.*

Слова эти, ныне ничего не означающие, по всей вероятности, относятся к тому периоду жизни чеченцев, когда они, находясь в язычестве, были угнетены другим народом. Далай, или Дало, значит по-чеченски Бог; слово «ялай» (или «яла») означает «умереть» или «смерть». В переводе припев этот значит:

*Боже, боже, наш боже, боже,
Яла, яла, пусть умрет яла смертью.*

Быть может, в этом припеве слово «яла» означает какое-либо языческое божество, даже божество смерти.

В преданиях народа сохранилось имя первого проповедника исламизма у чеченцев; им был некто **Термаол**. Он был человек красноречивый и жестокий. Увлекаемые потоком его речей, чеченцы покорились ему. В собрании всего народа он в торжественных словах описывал всемогущество Бога мусульман; в ярких красках изображал рай, уготованный правоверным. Говорил о шестидесяти гуриях (хуриал), назначенных избранным. Гурии встретят своего суженого в райских вратах и, воспевая гимны Предвечному и славя своего нового повелителя, отведут его в приготовленный для него дом, выстроенный из мускуса, золота и серебра и испещренный дорогими камнями: алмазами (жаухар), яхонтами (ягут), изумрудами (зубаржат) и проч. В нем будет находиться 70 комнат с великолепными ложами; вечно юные и девственные гурии взоры свои, полные любви и страсти, будут обращать на своего повелителя, ожидая его приказаний. Они будут одеты в 60 платьев, одно сверх другого, но от белизны их тел и чистоты плоти через 60 платьев будут виднеться мозги в их костях, как через чистейший кристалл. Говорил, что праведные будут иметь рост в шесть раз более своего нормального, чтобы в шесть раз более вкушать райских сладостей. Такие речи воспламеняли чеченцев, и те, которые хотя мало еще были в сомнении, тотчас же делались мусульманами. Народный фанатизм доходил до того, что даже старцы в последние дни жизни своей совершали обряд обрезания. Окружив себя усердными последователями, Термаол начал смелее производить обращение и убивал противящихся, называя их врагами божьими (дели-мастахой). Брань эта, ныне столь общеупотребительная, в первый раз явилась у чеченцев в то время. Говорят, что он имел обычай, убивши тысячу человек неверующих, один труп ставить вверх ногами, будто бы он раз в течение одного дня в подобную позу поставил три трупа, т. е. убил

три тысячи человек, и смягчался только тогда, когда жены убитых, накрыв свои головы котлами, выходили из домов своих в знак того, что им уже не для кого более держать огонь и воду****. Когда наконец страна успокоилась, то эти жестокости Термаола не были забыты народом. Он сделался предметом насмешек детей, представлявших в своих играх опрокинутые трупы. Не будучи в состоянии перенести такого унижения, он вырыл себе могилу и живой погреб себя. Погребая себя, он сказал: «Прощайте, мусульмане, теперь я уже больше не нужен вам, но приду тогда, когда вы почувствуете во мне нужду».

Некоторые фанатики и теперь ожидают его появления. Могила его находится в Ичкерии, на земле Энокалинской фамилии.

Исламизм, проповедуемый сперва насилиями, к концу принял более спокойный характер, что видно из следующего предания.

При окончательном утверждении исламизма между чеченцами во главе народа стоял некто **Берса** (Берсан) Курчалинской фамилии; он имел влияние на народ, его называли имамом и шейхом (святым). В ауле Гуни он имел большого друга и такого же влиятельного в народе человека, но страшного противника Корана. Берса приехал в аул Ахшпатой, недалеко от Гуни, для обращения оставшихся еще в язычестве. Гуноевский приятель Берсы обиделся за то, что он вопреки народному обычаю гостеприимства не заехал к нему и пренебрег его особой. Обиду эту он принял близко к сердцу и поехал к Берса лично выразить свое недовольство. Представ перед Берсой, он осыпал его упреками. Берса отвечал, что когда он был подобным ему гяуром, то был его другом; теперь же, приняв ислам, он не может быть другом неверного нечестивца. «Если я встречаюсь с тобой в поле, — добавил шейх, — то вступлю с тобой в бой, чтобы смертью неверного стяжать спасение. Сердце мое чувствует любовь к тебе сильнее прежнего, но души наши разделяет преграда, которую можешь разрушить только ты. Хочешь продолжать нашу дружбу — прими Коран, не хочешь — будем заклятыми врагами». Гуноевец был уступчив и любил Берсу, а потому согласился принять ислам, но просил для этого один месяц срока. «У меня, — сказал он, — есть тридцать грудей откормленных кабанов; съедая ежедневно по одной груди, я в продолжение месяца покончу их и тогда, распрощавшись с моим любимым лакомым кушаньем, приму Коран». «Месяц пройдет, как мгновение ока, — сказал шейх. — Можешь ли ты ручаться, что через час ангел смерти не отнимет твоей жизни? И тогда, не вняв словам друга, учащего тебя познанию истинного Бога, ты будешь в аду терпеть все ужасы мучений. Неужели советы друга не стоят для тебя поганых свиных грудей? Теперь или никогда!» — вскричал грозно шейх. Гуноевец принял ислам и поехал домой обращать свою фамилию. Но кто из людей не подвержен слабости и не отступает от правил религий, а тем более можно ли винить за час перед этим и почти силою обращенного Гуноевца? Приехав домой, он проголодался и, увидев свиные груди, соблазнился; вместо того чтобы как новый миссионер учить свою фамилию новой вере и объяснять значение поста, он приказал жене повесить скорее котел и сварить разом десять грудей. «Не бросать же мне их собакам, — размышлял он. — Я много хлопотал, откармливая кабанов; три дня — небольшая беда, успею раскаяться, а может быть, съев десять грудей, получу к ним отвращение и тогда сделаюсь мусульманином без всякой задней мысли». Уже пища была готова, он пошел расседлать коня и возвращался, издали еще обоняя запах жирных грудей. Но каково же было его удивление, когда, войдя в комнату, он увидел на почетном для гостя месте шейха, страшно ему выговаривавшего. Шейх вынес котел во двор и бросил мясо собакам. Пораженный этим чудом, Гуноевец сделался ревностным мусульманином и дал обет поститься целый месяц.

XXX

Я нашел некоторые данные, доказывающие, что до принятия Корана чеченцы были христианами.

По библейским преданиям, сам Бог определил шесть первых дней для работы и седьмой, субботу, — для отдыха. Этому порядку недеисчисления следовали народы Малой Азии, Аравии, Египта, Персии и др. После воскресения Иисуса христиане в память этого события изменили прежний счет дням недели, а именно: праздничным своим днем определили ветхозаветный первый день, а потом уже по порядку называют

остальные дни, почему ветхозаветный субботний день делается христианским шестым, а ветхозаветный первый — христианским седьмым, или праздничным, днем.

Мухаммед тоже переименовал дни, а именно: следуя прежнему ветхозаветному исчислению дней, бывшему тогда в Аравии, шестой его день или пятый христианский он назначил праздничным днем, назвав его джума; остальные дни оставил по прежнему ветхозаветному порядку.

Приняв магометанство, чеченцы должны были бы следовать магометанскому счету недели, но видим противное; они ведут не только что христианский порядок исчисления дней недели, но и названия дней на их языке тождественны с русскими названиями. Это яснее из следующей таблицы:

Ветхозаветный счет	Первый день 1	Второй день 2	Третий день 3	Четвертый день 4	Пятый день 5	Шестой день 6	Суббота 7
Христианский счет	Воскресенье 7	Понедельник 1	Вторник 2	Среда 3	Четверг 4	Пятница 5	Суббота 6
Магометанский счет	Первый 1	Второй 2	Третий 3	Четвертый 4	Пятый 5	Шестой 6 джума	Суббота 7
Чеченский счет	Кирин-де 7 недельный день	Оршот 1 понедельник	Шинера 2 второй	Кара 3 третий	Иера 4 четвертый	Перески 5 пятый	Шабат 6 суббота

Из этой таблицы видно, что ветхозаветный и магометанский счет недельных дней одинаковы между собой, а христианско-русский тождествен с чеченским.

Названия дней у чеченцев имеют такие же значения, как и русские. Вторник по-чеченски называют «шинера», от слова «ши», означающего «два», т. е. «второй день, или вторник»; среда — «кара», от слов «ко» или «три», т. е. «третий день»; четверг — иера, от слова «ие», т. е. «четыре». Пятница до принятия ислама называлась пхера, от слова «пхи», т. е. «пять». Приняв мусульманство, чеченцы называли пятницу «перески», от арабского слова «фарз», т. е. постановления мусульманства, переданные Богом через Коран. Арабскую букву «фи» чеченцы выговаривают «па-риски», как произносят в горах, а на плоскости — «перески», т. е. день, в который объявлены постановления фарза. Суббота называется шабат, а воскресенье — кирин-де, т. е. недельный день, или главный день недели. Название кирин-де происходит из двух слов: «кира» — неделя и «де» — день, т. е. праздничный день.

Мне случайно досталась арабская рукопись от одного лица, которого она вовсе не интересовала. В ней велся хронологический перечень событий на Кавказе и, между прочим, сказано, что чеченцы находились в крестопоклонстве, т. е. христианстве 104 года до принятия ими мусульманской веры. Тогда, допустив, что чеченцы начали принимать ислам одновременно с начала XVIII столетия, можно заключить, что они находились в христианстве целое XVII столетие, и притом, что христианство у них возобновлено было русскими. Подтверждением этому может служить и то обстоятельство, что те чеченцы, в эпоху принятия у них корана, которые не желали его принять, уходили к русским. Если бы до того чеченцы были в язычестве, то, естественно, они ушли бы к соплеменным и единоверным жителям, назрановцам, т. е. к галгаям, ингушам и др., но не к христианам — иноверным русским. Они уходили к русским, потому что считали их братьями по религии.

Что действительно чеченцы уходили тогда к русским, это подтверждают сами казаки Червленной и других станиц. До сих пор еще они не позабыли своих праотческих фамилий и сами подтверждают, что происходят от чеченцев из фамилий: Биллетоевской, Варандоевской, Ахшпатоевской, Гуноевской и т. п. И теперь они ведут куначество (знакомство) с чеченцами.

Приняв ислам, чеченцы делаются религиозными врагами всех иноверцев, в том числе и язычествующих единоплеменников своих. Сохранились песни о религиозных битвах их.

Случилось так, что в эти ожесточенные времена дочь влиятельного галгаевца выкрал чеченец и увез в Чечню. Галгаевец в храме своего бога Цу поклялся ненавистью и местью к чеченцам. Для удовлетворения своей злобы он приносит в жертву десять упитанных волов и начинает собирать шайку. Далее говорится, что в шайку его вступил молодой ингуш на статной и красивой лошади. Коня своего он выкормил как своего семьянина; возвращался ли домой с поздней вечеринки, он не ложился спать, не давши коню полчурека; приходил ли с работы, часть поданной ему пищи уделял коню. Шайка пустилась в Чечню. Проведав о том, и чеченцы собрались тоже. Ночью окружили врагов и на рассвете вступили в бой. Уже большая часть галгаевцев была истреблена; под вожакom пала лошадь. Увидев молодого ингуша на лихом коне, вождь сказал ему: «Дай мне сесть на твоего коня, я прогоню этих робких чеченцев, они, как скворцы от ястреба, разлетятся в стороны от руки моей, мы же со славой и добычей вернемся домой!» «Нет, — сказал ингуш, — тебе неизвестно, как я выкормил его: я лишал себя наполовину своей пищи, чтобы в черный день он выручил меня из беды. Теперь настал этот роковой час. Делай как знаешь, а я вернусь домой вестником нашего несчастья». Сказав это, он невредимо проскакал сквозь ряды чеченцев, осыпaeмый градом пуль из их ружей. Шайка была истреблена; у ингушей пропала охота тревожить чеченцев.

В конце прошлого столетия чеченцы по примеру прочих горцев начинают собираться массами и тревожить русские границы. Некто Мансур, алдинский уроженец Арестенжоевской фамилии, стал во главе народа. Его называли и шейхом, и имамом. Он начал свои действия с намерением вытеснить русских из мусульманских земель. Планы его стремились к тому, чтобы собрать все горские племена и единодушно действовать против русских. Для достижения своей цели он обратился к помощи религии, зная, какое большое уважение оказывали горцы к духовным особам. Наложив на страну трехдневный пост (мархо), он с приближенными своими (муриды) стал навещать аулы, сопровождаемый пением зикра (славословие). Жители выходили ему навстречу, каялись перед ним в грехах и обращались к таба (покаянию), обзавались не делать дурных поступков, как-то: не красть, не спорить, не курить табак, не пить крепких напитков, но усердно молиться Богу, не пропуская для этого назначенных сроков. Народ признал Мансура своим устасом, т. е. ходатаем перед Богом; целовали полы его одежды и так увлекались религиозным настроением, что прощали друг другу долги, прекращали тяжбы и прощали даже самую кровь (ци). Люди открывали один другому свои сердца, изгоняли из них злобу, зависть, корысть и проч. Говорят, что тогда народ до такой степени обратился на истинный путь, что найденные вещи и деньги привязывали на шесты и выставляли на дорогах, пока настоящий владелец не снимал их. Этот кризис в жизни чеченцев продолжался два года. Слава о нём распространилась и в других племенах. Язычествовавшие кабардинцы, галгаи и горные чеченцы принимают ислам и единодушно с чеченцами восстают против русских. Чеченцы принимают над ними главенство и смелее начинают действовать. Самонадеянность их доходила до того, что, например, несколько человек, не имевших и одного быка, условливались составить свой плуг и для этого при начатии полевых работ пригоняли из-за Терека быков, добытых от русских. Калым выплачивали, назначая для взноса его определенные сроки и тем временем добывая его от русских. Предание говорит, что для прекращения такого хищничества русские вознамерились взять и разорить гнездо хищников — аул Алды, местожительство Мансура. Они без боя переправились на чеченский берег р. Сунжи и уже подходили к аулу. Мансур меж тем ничего не предпринимал; через такое бездействие его народ начал сомневаться в его святости и стал роптать. Русские уже готовились штурмовать аул, и только тогда Мансур совершил в мечети молебствие, вышел из нее, всенародно совершил дуа (прошение у Бога) и ринулся на русских. Они были совершенно разбиты; убитых было такое множество, что из кольев, которыми был огорожен аул и на которые выставлены были головы убитых русских, осталось без трофея только два кола. Часть русских рассеялась по лесу, и через неделю после битвы, изнуренные от голода, они сами явились в аул. Но некоторая часть русского войска все-таки стройно ретировалась к р. Сунже. Чеченцы быстрым натиском силились прорвать ряды храбрых, но русские отражали их; говорят, что их поддерживал от расстройства один всадник на белом коне. Мансур сам зарядил ружье

свое и метким выстрелом свалил этого всадника с коня. Тогда весь русский отряд был истреблен и, как говорит предание, по Сунже неслись одни фуражки (лаба-елукуйн), впервые виданные чеченцами.

Известный печальный конец, постигший Мансура, не образумил чеченцев; они и верить не хотели, чтобы он мог быть схвачен неверными, но говорили, что он взят на небо и скоро спустится на землю для окончательного истребления всех русских.

Но, не дождавшись его появления, они не могли уже оставаться без имама, а потому первого выскочку или ханжу признавали имамом. Так, некто Гаука, Чермоевской фамилии, против собственного желания был провозглашен имамом. И теперь еще виден ров, вырытый за его время для воспрепятствия русским идти в Чечню через Ханкальское ущелье. Ров этот называется Гаукай-ор.

Так шли дела в Чечне, когда наконец русские в 1818 году основали на Сунже, в сердце Чечни, крепость Грозную. Последующие события довольно известны.

XXXII

«Хамс», или «хамси», есть слово арабское и означает «пять». Чеченцы выговаривают это слово «кумс». Во время набегов чеченцев на иноверцев всякая отнятая от врагов добыча делилась на пять частей; из них четыре части предоставлялись добывателям, а пятая называлась «кумс» и отдавалась духовным. В имамство Шамиля кумс давали ему. За утайку кумса наказывали.

[Примечания редакции сборника]

*Предлагаемая статья включает в себе несколько отрывков из доставленной в редакцию «Сборника» рукописи, составленной У. Лаудаевым. В предисловии к ней, между прочим, сказано: «...из чеченцев я первый пишу на русском языке о моей родине, еще так мало известной». Автор получил воспитание в кадетском корпусе и имел чин ротмистра.

**После десятилетнего спокойствия в крае истребленные русскими сады ныне разведены еще пышнее прежних.

***С этих пор чеченцы узнают о могуществе русского царя и признают его своим повелителем, называя падишах или царь.

****Керестаном, т. е. христианином, чеченцы называют всех без различия иноверцев, в том числе и язычников.

*****Обычай накрывать головы котлами существовал у чеченцев до поздних времен.